



Луи Буссенар
ОХОТНИЧЬЯ
ТРИЛОГИЯ

Луи Буссенар

Охотничья трилогия

Издательство «РИМИС»

1885

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Буссенар Л. А.

Охотничья трилогия / Л. А. Буссенар — Издательство
«РИМИС», 1885

ISBN 978-5-906122-42-1

Кто такой Луи Буссенар? «Жюлем Верном из Луаре» назвал нашего героя автор первой биографической статьи о нем, Филипп Режибье (1966). «При жизни его именовали французским Райдером Хаггардом», – услужливо подсказывает нам Википедия, тиражируя ни на чем не основанное заблуждение: никто в то время этих писателей не сравнивал. Да и вообще, Буссенар не является чьей-то копией. Он сам по себе, единственный и неповторимый! Елена Трепетова Из этой книги читатель узнает о невероятных и опасных приключениях благородных французов в экзотических уголках земного шара. Текст печатается по изданию: Луи Буссенар. Полное собрание романов. Спб., 1911, Книгоиздательство П. П. Сойкина. Текстологическая обработка: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. Иллюстрации Ораса Кастелли.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-906122-42-1

© Буссенар Л. А., 1885
© Издательство «РИМИС», 1885

Содержание

Жизнь Луи Буссенара, путешественника и домоседа	6
Приключения в стране львов	12
Глава I	12
Глава II	17
Глава III	25
Глава IV	32
Глава V	38
Глава VI	45
Глава VII	50
Глава VIII	56
Глава IX	63
Глава X	67
Глава XI	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

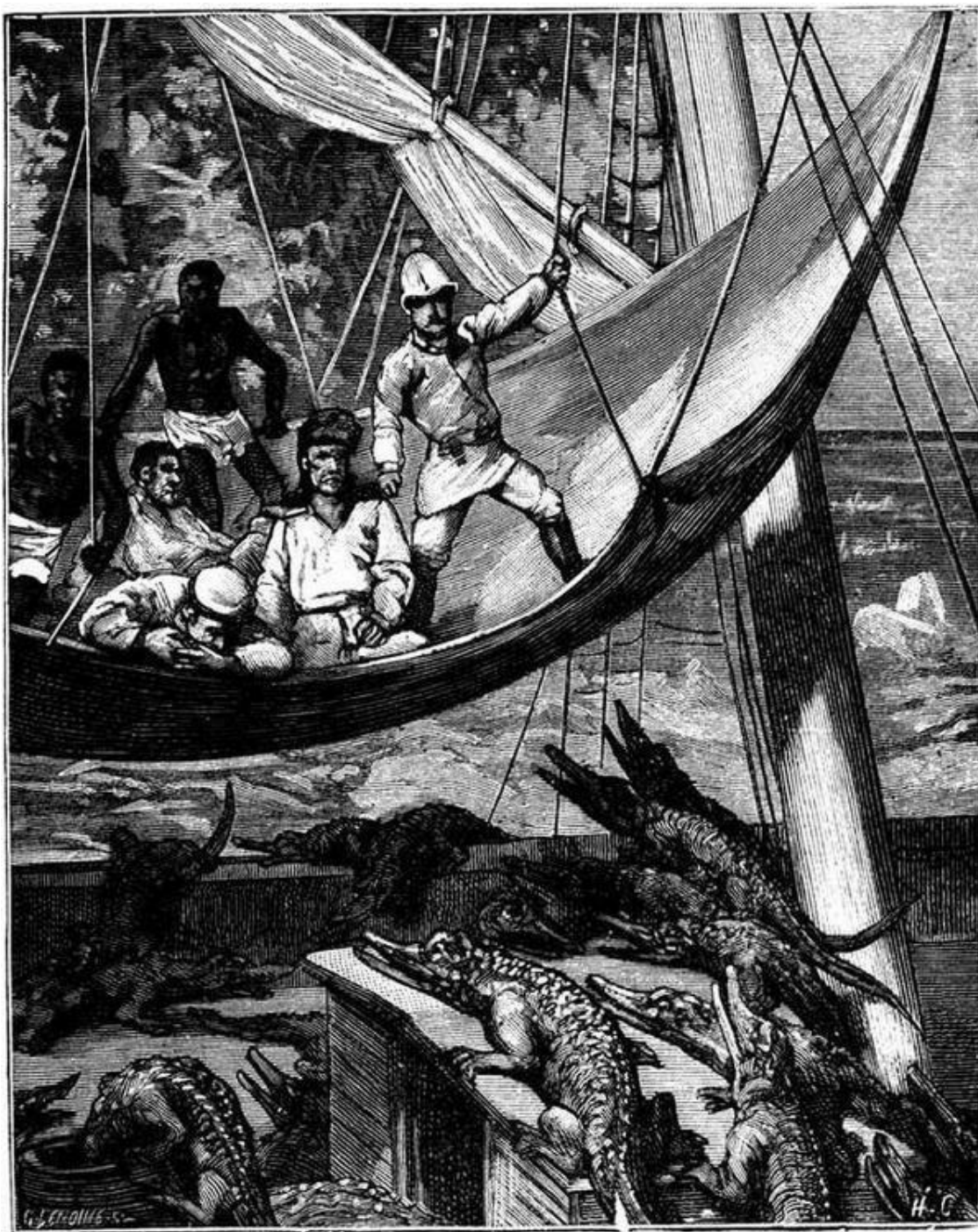
Луи Буссенар

Охотничья трилогия

© Оформление, составление. ООО «Лекстор», 2017

© Трепетова Е. В., биографический очерк, 2017

* * *



Жизнь Луи Буссенара, путешественника и домоседа

Кто такой Луи Буссенар? «Жюлем Верном из Луаре» назвал нашего героя автор первой биографической статьи о нем, Филипп Режибье (1966). «При жизни его именовали французским Райдером Хаггардом», – услужливо подсказывает нам Википедия, тиражируя ни на чем не основанное заблуждение: никто в то время этих писателей не сравнивал. Да и вообще, Буссенар не является чьей-то копией. Он сам по себе, единственный и неповторимый!

При жизни он снискал прочную славу у себя на родине. Эта слава достигла апогея в двадцатые – тридцатые годы XX века, однако после Второй мировой войны его имя было полностью забыто французским читателем и едва знакомо даже специалистам. В последние же годы он время от времени упоминается в литературоведческих работах, теперь как «путешественник из Боса», по названию исследования Тьерри Шеврие (1997), заново открывшего Луи Буссенара для родной страны.

Русские же читатели, которые, в отличие от французов, знакомы с творчеством Буссенара не понаслышке, нередко сетуют на скудость сведений о жизни писателя. Но, к сожалению, более полувека забвения, традиционное отсутствие интереса серьезных исследователей к «окололитературным жанрам», наконец, завещание писателя, распорядившегося сжечь все свои рукописи и личные бумаги, сделали свое дело. В итоге в его биографии по-прежнему немало пробелов, а образ Буссенара-человека можно представить только по воспоминаниям односельчан, записанным в 1960-е годы первыми биографами.

Итак, малая родина Луи Буссенара – историческая область Бос, что к юго-западу от Парижа, совершенно плоская и почти безлесная, но плодородная равнина, «житница Франции», расстилающаяся с севера на юг примерно от Ментенона до Орлеана, с запада на восток от Шатодёна до Мальзерба.

Будущий мастер авантюрного романа родился 4 октября 1847 года в деревне Экренн (именно так местные жители произносят название Escrennes), расположенной на речке Эф (верховье Эссонны) в кантоне Питивье департамента Луаре. Совершенно унылый босский пейзаж (бескрайние поля, засеянные пшеницей и картофелем) издревле пробуждал у местных уроженцев непонятную тоску по иным, неведомым краям, где текут полноводные реки, бушуют моря, вздымаются ледяные горные вершины, а дремучие, непроходимые леса населены страшными зверями...

Буссенар был незаконнорожденным ребенком. Луи-Антуан Буссенар (1794–1855), управляющий экреннским замком, сборщик коммунальных налогов, вдовец, и Элоиза-Анриетта Ланс (1826–1932), молодая кастелянша и горничная замка, дочь сельского ткача, официально признали сына только через год после рождения. Именно тогда бесфамильный Анри-Луи-Франсуа-Илер стал Буссенаром. В 1850 году его родители поженились, узаконив наследника. С детства его называли только вторым именем – Луи, в честь деда-монаха, возвращенного к гражданской жизни Французской революцией, присягнувшего Республике, вступившего в брак и служившего впоследствии на муниципальных выборах должностях.

Овдовев в 1855 году, Элоиза одна была вынуждена воспитывать двоих сыновей (Луи было 8 лет, его младшему брату Антуану – пять).

В школе Экренна юный Луи Буссенар отличался умом, усердием в учебе, и при этом гордым и строптивым характером. В частной школе Антуана Борье (город Питивье) будущий писатель получил классическое среднее образование, в 1865 году успешно сдал экзамен на бакалавра по филологии, открывавший путь к высшему образованию. Решив стать врачом, Буссенар записался на медицинский факультет Парижского университета, затем продолжил

учебу в Страсбурге (столице Эльзаса). С молодых лет его излюбленным досугом была охота: приезжая в родную деревню на каникулы, он любил бродить по босеронским полям с ружьем и собакой.

Учеба была прервана франко-прусской войной, объявленной 19 июля 1870 года. Как и многие студенты медицинского факультета Страсбургского университета, пламенный патриот Буссенар в самые первые дни оказался в рядах французской армии, в должности помощника военврача. 4 августа прусские войска перешли границу, вторгшись в Эльзас, и уже в первых битвах, под Висамбуром и Решоффеном, Буссенар оказывал медицинскую помощь раненым солдатам. Разгром следовал за разгромом. Отступив в составе действующей армии к Парижу, Буссенар стойчески переносит суровые испытания осады, лишения и голод, огонь артиллерийских обстрелов. Во время героической и безуспешной попытки французов прорвать блокаду при Шампиньи в ночь с 1 на 2 декабря 1870 года военный фельдшер Буссенар получил пулевое ранение. Горечь поражения, боль от утраты Эльзаса и Лотарингии на всю жизнь останутся в его сердце, к воспоминаниям о войне он не раз вернется в своем творчестве:

«В тот день, когда родине вновь потребуется наша кровь, по первому же сигналу тревоги мы будем здесь; мы – мирные жители, мы проклинаем войну и ее ужасы. Мы никогда не нападём первыми, но пусть никто и никогда не угрожает Франции и Республике!» (из статьи 1878 года).

Сведения о послевоенных годах жизни Буссенара скудны и обрывочны. По мнению биографов, он продолжил обучение в Париже. Мы не знаем, насколько он продвинулся в изучении медицины, однако совершенно точно известно: дипломированным врачом (доктором медицины) Буссенар так и не стал. После недолгой врачебной практики в Экренне он решает порвать с профессией, едет в столицу и пробует себя на журналистском поприще.

Дебют начинающего литератора был исключительно ярким: 1 августа 1875 года воскресное приложение к известнейшей газете «Фигаро» печатает рассказ Луи Буссенара «Охота в Австралии», в котором автор от первого лица обстоятельно повествует об облаве на гигантского кенгуру.

Закономерен вопрос: действительно ли наш недоучившийся медик успел недавно побывать у антиподов или все это чистой воды выдумка? Увы! Наука бессильна дать точный ответ. Несмотря на многочисленные намеки в последующих статьях и романах писателя на его поездку в Южное полушарие, никаких конкретных подтверждений этим туманным заявлениям пока не найдено.

Между тем Буссенар медленно, но верно движется к успеху. В мае – июне 1876 года он публикует пять научных обзоров в газете «Корсер» (о мерах борьбы с наводнениями, о хохлатом попугае, о проекте создания внутреннего моря в Тунисе, о способах поиска обломков затонувших кораблей и о плотоядных растениях), а летом того же года забавляет читателей газеты «Эклипс» своими юмористическими рассказами с экзотическим антуражем («Барометр», «Изгнанник», «Чайник раджи», «Охотник»).

Вскоре научный обозреватель и юморист переквалифицируется в хроникера, сотрудничает в газетах «Пёплъ» и «Марсейез». А с апреля 1878 года недавно открывшийся еженедельник «Журналь де вуаяж» («Журнал путешествий и приключений на суше и на море») начинает публиковать длинное повествование Луи Буссенара о путешествии «Через всю Австралию», подавая его как рассказ о реальных событиях (туда вошел и эпизод об охоте на экзотическое сумчатое). И только когда сочинение выйдет отдельной книгой, под интригующим заголовком «Десять миллионов Красного Опоссума» (1879), станет окончательно ясно, что это не документальный труд, а приключенческий роман. Дебютный роман Луи Буссенара!

С осени 1878-го до конца 1879 года Буссенар – репортер газеты «Пти Паризьен», он пишет о Всемирной выставке в Париже, о снежных заносах, о годовщинах трагических событий франко-прусской войны, публикует лирические и юмористические зарисовки из парижской жизни, освещает громкие уголовные дела, с запалом обличает злоупотребления духовенства.

«Жизнерадостный журналист с исследовательской жилкой, равнодушный к нуждам низших классов, гурман, человек, чутко откликающийся на капризы погоды и на поэзию окружающей среды, обозреватель, переходящий от безудержного юмора к беспощадному сарказму, когда речь заходит о Церкви, репортер, который с захватывающим интересом следит из зала суда за спектаклем, каковым являются преступление и его кровавое наказание, наконец, человек, способный содрогаться и скорбеть при воспоминаниях об ужасах войны» – таков, согласно Шеврие, Луи Буссенар конца семидесятых годов.

Его заметки в газете «Жюстис», где он с начала 1880 года ведет раздел происшествий, гораздо жестче: кровавые убийства, разбойные нападения, кражи, несчастные случаи, самоубийства, взрывы, аварии, природные катастрофы – все самое страшное, что случилось за последние дни в Париже и в мире, со скрупулезными подробностями описывает в своей рубрике Буссенар, повергая читателей в ужас и трепет.

А параллельно с этим «Журналь де вуаяж» неспешно публикует второй роман писателя – «Путешествие парижского гамена вокруг света» (1879–1880), который принесет автору оглушительный успех. Семнадцатилетний парижский беспризорник Фрике, шпана, неуч, балагур и весельчак, решивший, вслед за Филеасом Фоггом, обогнуть земной шар, немедленно завоевывает сердца юных читателей, став близким другом даже для самых бедных, таких же гаврошей, как и он! В восьмидесятые годы Буссенар «отправит» полюбившегося читателям героя в Океанию, затем в страну львов (Сьерра-Леоне), страну тигров (Бирму), страну бизонов (Северную Америку), а в начале XX века приключения Фрике продолжит его сын Тотор.

В качестве поощрения за успех «Журнал путешествий», главной звездой которого Буссенар останется на протяжении 32 лет, до конца своей жизни, субсидирует его поездку в Гвиану (6 августа 1880 – 31 января 1881 года), поддержанную и на официальном уровне – министерством народного просвещения.

Буссенар проводит у экватора четыре месяца, углубляясь в джунгли, охотясь на диких зверей, исследуя русла рек, ночуя в индейских и негритянских хижинах, встречаясь с золотоискателями и каторжниками, сочиняя заметки для «Журнала путешествий» и набрасывая свой новый роман, «Гвианские робинзоны», публикация которого стартует через два месяца после триумфального возвращения. Из Гвианы наш путешественник привез предметы туземного быта, керамику, оружие (часть этой коллекции хранится в музее города Питивье), охотничьи трофеи, десятки рисунков и фотографий, тропические растения (украсившие сад его родного дома), документальные сведения и карты.

Эта командировка положила конец слухам об очередном «кабинетном путешественнике», черпающем сюжеты лишь из своего воображения. Отныне Буссенар – блестящий знаток Гвианы, которую он еще не раз опишет в новых романах («Охотники за каучуком», «Борьба за жизнь», «Похождения Бамбоша», «Приключения маленького горбуна», «Железная Рука»), очерках и рассказах.

Итак, Буссенар добился славы и достатка. Его имя известно, а гонораров от публикаций романов отныне достаточно для безбедного существования. Чего еще не хватает отважному искателю приключений по законам авантюрного романа? Конечно же, невесты!

Но, оказывается, невеста у него уже есть и терпеливо ожидает его возвращения из-за океана! И вот 2 июня 1881 года в мэрии 17-го округа Парижа 33-летний писатель Луи

Буссенар сочетается законным браком с 30-летней Розали Леша из города Монтаржи (тоже департамент Луаре).

Увы! Реальная жизнь не всегда складывается по законам приключенческого жанра. Этот брак не принес Буссенару счастья. Супруги вскоре поссорились и расстались. Буссенар покидает Париж и поселяется в Экренне... где вскоре заводит новый роман, с младшей дочерью своей кормилицы. Муж кормилицы, земледелец Луи Делафуа, заменивший когда-то Буссенару рано ушедшего отца, пристрастивший его к охоте, умирает в сентябре 1882 года, и общая боль утраты сближает 35-летнего романиста и 19-летнюю Альбертину Делафуа. Масла в огонь добавило и то, что Делафуа стал первым в деревне, кто завещал похоронить себя без участия священника, а Буссенар, столичный антиклерикал, выступил председательствующим на первом гражданском погребении в Экренне. Похороны произвели огромный скандал, тень от которого не могла не пасть на вдову и четырех дочерей.

Так или иначе, Луи и Альбертину связала крепкая любовь, и уже в следующем году они соединились. К сожалению, свадьба их состоялась только в 1909 году, когда суд наконец расторг брак Буссенара и Розали.

Молодая чета поселилась километрах в тридцати к северо-востоку от Экренна, в лесной деревушке Нанто-сюр-Эссон (близ города Мальзерба), в доме около деревенской площади, и приютила маленькую незаконнорожденную племянницу Альбертины, чье детство было несчастливым.

Обретя семейное счастье, Буссенар больше не рвется душой за тридевять земель. Недавний журналист и бесстрашный путешественник теперь ведет размеренную жизнь босеронского помещика-домоседа, посвящая жизнь литературному труду, охоте, рыбной ловле, встречам с друзьями и проводя зимние месяцы на средиземноморском побережье Франции.

Нам доподлинно известно только о двух его послегвианских путешествиях – кратких охотничьих экспедициях в Марокко (1883) и Сьерра-Леоне (1884). Об этих поездках автор рассказывает в очерках «От Орлеана до Танжера» и «Смерть слона».

Примечательно, что в Сьерра-Леоне разворачивается действие первого романа из «охотничьей трилогии» – «Приключения в стране львов» (1885). А самое поразительное то, что образы всех трех главных героев книги являются отчасти автобиографическими! Черты Буссенара мы легко усмотрим и в Андре Бреванне – босеронском охотнике, «удалившемся от дел», и в гамене Фрике, повторившем маршрут автора к верховьям реки Рокел, и даже в жандарме Барбантоне, сбежавшем на край света от жены-мегеры, зовут которую... Элоди Лера! Не правда ли, неслыханное созвучие с именем первой супруги Буссенара – Розали Леша? (В творчестве Буссенара немало подобных чудес...)

Успех романиста прочен, растут и доходы. В 1890-е годы писатель арендует довольно большое поместье с двухэтажным деревянным домом в швейцарском стиле в Вилльтаре (маленькой деревне в составе коммуны Нанто-сюр-Эссон), а в начале 1900-х, сочтя этот дом слишком обременительным для содержания, перебирается в город Мальзерб, на улицу Капитана Лельевра (о котором пишет рассказ «Галльская кровь»). Наконец, последний год жизни Буссенара проходит в столице департамента Луаре, Орлеане.

Буссенар и Альбертина, которую он любовно называл «моя голубка», счастливо проживут вместе 27 лет, до скончания дней, и ничто не омрачит их безмятежных отношений. Буссенар пишет книги, Альбертина играет на фортепиано, переписывает рукописи новых романов, их нередко видят среди босеронских полей на двухместном велосипеде. Тесная дружба связывает Буссенара с семьями трех сестер Альбертины. У пары нет собственных детей, свою любовь они дарят многочисленным племянникам Альбертины...

А вот немногие сведения о личности и характере писателя.

Луи Буссенар был человеком прекрасного атлетического телосложения, ростом 1 м 92 см. Лицо его украшали борода и закрученные вверх усы.

Писателя часто встречали на улицах Экренна, иногда пешком, иногда на велосипеде, на тандеме (последней новинке того времени), иногда в забавном кабриолете, влекомом капризной маленькой лошадкой по кличке Гаспар.

Одевался он всегда элегантно и тщательно, хотя и не претендовал на роль «денди». Часто его видели экипированным для охоты: в забавной круглой шапочке с узкими полями, в костюме, немного напоминавшем охотничий наряд для сафари, в мягких болотных сапогах до середины бедра и со свистком, висящим на его бархатной блузе.

На одной из известных фотографий писатель изображен в своем кабинете, увешанном оружием, охотничьими трофеями и сувенирами, привезенными из путешествий, в компании с вытянувшимся под столом верным псом.

Большой любитель поесть и поклонник хорошей кухни, «скромный бонвиван» Буссенар любил отведать у кого-нибудь из своих друзей-крестьян традиционного кролика в собственном соку, запивая его «неблагородным» вином гри мёнье из наполненного до краев стакана. Обожал он и фруктовые пироги. Местные жители любили его, потому что он был «без выкрутасов», добрый, простой и никогда не изменял своим скромным привычкам. Несмотря на свое положение популярного писателя и известность в столице, он не гнушался зайти пропустить стаканчик в деревенский кабачок и, возвышаясь над остальными посетителями, чиркал о потолочную балку пороховой спичкой, чтобы разжечь трубку.

Любитель военной и духовой музыки, Буссенар с удовольствием посещал музыкальные конкурсы, а перед смертью завещал тысячу франков ансамблю экреннских трубачей, почётным президентом которого являлся.

Полученное образование позволяло ему работать сельским врачом, и он охотно соглашался дать консультацию, принимая в качестве оплаты лишь стаканчик вина и дружеское рукопожатие. Однажды в сельском доме, куда он был вызван, Буссенар не смог выписать рецепта, поскольку не нашлось ни единого клочка бумаги. Тогда он начертил свое предписание мелом на ставне, который потом пришлось отнести аптекарю!

Буссенар был импульсивен, иногда даже впадал в ярость. Оттого некоторые считали его неприятным, гордым и высокомерным. Без сомнения, он был неприветлив с теми, кого не любил, но эта резкость, иногда приводившая собеседника в замешательство, скрывала природную доброту, которая распространялась на всех, кто хорошо его знал. По словам одного из друзей Буссенара, он всегда «протягивал руку для подаяния или рукопожатия».

Типичный житель Боса, писатель был связан с родным краем долгой и надежной дружбой. Он всегда делился с друзьями своей заразительной веселостью. Прекрасный рассказчик, Буссенар любил шутку и меткое красочное словцо, говорил четко и громко, размахивая руками тем шире, чем больше людей фигурировало в его рассказе.

Буссенар оставил весьма богатое литературное наследие: 41 роман, рассказы и документальные сочинения. 24 романа – это «классика жанра», невероятные и опасные приключения благородных французов в экзотических уголках земного шара. Восемь романов можно назвать военно-приключенческими, пять – социально-авантюрами и четыре – научно-фантастическими.

Среди документальных сочинений отметим прежде всего увлекательный трактат «Охота для всех», четыре тома очерков «Приключения знаменитых первопроходцев» и «Письма крестьянина» – 220 статей в местном еженедельнике «Гатине» (выходившем в Монтаржи, Питивье и Этампе), которые Буссенар сочинял на босеронском диалекте, представляясь «крестьянином Франсуа Девином». Скрываясь за этим провокационным псевдонимом («Devine» – «угадай!»), последние восемь лет жизни он в насмешливом, шутовском тоне выражал свои взгляды на общество, политику, религию, освещал проблемы сельской

жизни провинции Орлеане, ставя себе целью расшевелить ум крестьян, показать простому народу, как его грабят богачи и надувает духовенство. «Письма» производят политический и религиозный скандал, повлекший за собой ряд расследований, направленных на установление личности автора.

Конец писателя был трагическим. В июне 1910 года, в возрасте 47 лет, внезапно заболевает и умирает его любимая жена Альбертина. Сломленный невыносимым горем, этот могучий атлет не в силах сопротивляться тоске и обострившейся болезни...

«Моя кузина, чьи доброта и самоотверженность безграничны, останется со мной столько, сколько будет нужно, пока мучительная скорбь не перестанет терзать меня. Увы, это надолго! Ибо если телу моему лучше, то душа неисцелимо больна. Я по-прежнему безутешен, у меня бывают ужасные приступы горя. Страдание отныне мой удел. И я буду страдать, безутешно рыдая о любимой жене, которую я потерял» (из письма от 14 июля 1910 года).

Луи Буссенар пережил супругу меньше чем на три месяца. На 8 сентября ему была назначена срочная хирургическая операция. Врач по образованию, он не возлагал на ее исход радужных надежд, поэтому за несколько дней собственноручно составил завещание (разделив наследство поровну между двоюродной сестрой и тремя свояченицами) и даже текст извещения о смерти. На другой день после операции, 9 сентября, писатель скончался.

Следуя его распоряжениям, похоронная служба напечатала в типографии и разослала его друзьям следующее письмо, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы:

«Луи Буссенар, писатель, имеет честь пригласить вас на свои гражданские похороны, которые состоятся в Экренне (Луаре) в понедельник, 12 сентября 1910 года, в час с четвертью.

Безутешный после смерти своей жены, он уходит на шестьдесят третьем году жизни, в скорби, которую ничто не смогло смягчить.

Он посылает своим многочисленным друзьям и преданным читателям последнее напоминание о себе.

Подходите к дому умершего, № 75 на бульваре де Шатодён в Орлеане, ровно пол-одинадцатого, чтобы присоединиться к траурной процессии, которая проследует к вокзалу и отправится в 12 часов 1 минуту (поездом на Мальзерб, до станции Экренн)».

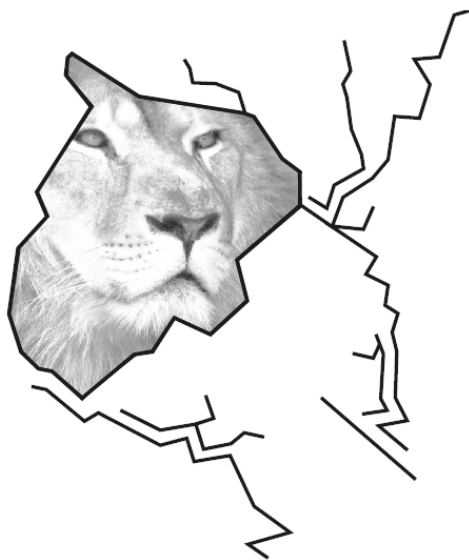
Некоторые парижские газеты, перепечатавшие этот невероятный текст, немедленно заявили о самоубийстве. Однако друзья романиста, знавшие о его длительной и тяжелой болезни, понимали, что это письмо – акт мужества, любви... а также пропаганды гражданских похорон. Даже в смерти Буссенар оставался писателем, любящим супругом и яростным антиклерикалом.

Романист был погребен рядом с Альбертиной на кладбище их родной деревни. Его мать, Элоиза Ланс, дожила почти до 106 лет, пережив всех своих родных...

Елена Трепетова¹, член Союза писателей России, г. Муром (Владимирская область), 2017 г.

¹ Е. В. Трепетова – муромская поэтесса, с 2011 года занимается исследованием жизни и творчества Луи Буссенара, в ходе которого стерла немало «белых пятен» с биографии любимого писателя, нашла и перевела несколько неизвестных рассказов, отыскала утерянный оригинал романа «Монмартрская сирота» (в 2015 году). (Прим. изд.)

Приключения в стране львов



Глава I

Дикая симфония. – Соперники. – Львиный турнир. – Три охотника в засаде. – Джентльмен, гамен и жандарм. – Два выстрела. – К сведению любителей фотографировать животных. – Смерть кокетки. – Разрывная пуля. – Воспоминание об открытии охотничьего сезона. – Губительная сеть. – Похищение женщины гориллой.

За густой завесой из листьев неожиданно раздался ужасающий рев и прокатился под деревьями-великанами. Насмешливый голос проговорил:

- Батюшки! Дебют органной трубы.
- Замолчи! – прибавил другой голос.
- Это все-таки лучше трубы газовой.
- Перестанешь ты или нет? По твоей милости нас могут растерзать.

Раздалось новое рычание, от которого задрожали неподвижные листья.

Эти дикие звуки послужили как бы сигналом. Со всех сторон из таинственных глубин тропического леса разнесся оглушительный громовой рев. Отчетливые, резкие ноты, несмотря на то, что воздух вокруг был густо насыщен влагой, разносились далеко кругом.

- Ну, так. Теперь оркестр сороковых бочек.

Неисправимый болтун никак не мог уняться.

– Нет, тебе, видно, непременно этого хочется, – возразил другой собеседник приглушенным голосом, но вполне явственно.

- Чего именно, monsieur Андре?

– Того, чтобы нас разорвали на клочки или чтобы мы вернулись ни с чем – это уж наверняка.

- Последнее было бы горше первого.

- Действительно. Проехать тысячу двести миль только затем, чтобы остаться с носом!

А кто будет в этом виноват? Один ты.

- Довольно, начальник. Я прикусываю язык... Ай да киска! Вот это я понимаю.

Непочтительное прозвище киски шалун адресовал великолепной львице, которая выпрыгнула из чащи и застыла на месте при виде трех охотников, стоявших группой посреди поляны.

Львица не столько испугалась, сколько была изумлена, и глядела на людей не со злобой, а скорее с любопытством. В ту минуту она была похожа на художественное изваяние.

До сих пор она видала только людей с черной кожей; а теперь перед ней были люди с бледными лицами, одетыми в белую одежду.

«Это еще кто такие?» – казалось, спрашивала она.

Припав на одно колено, охотники с необыкновенным хладнокровием людей бывалых и неустрашимых ждали, что будет дальше.

Нервы у них были, очевидно, закаленные, крепкие. Да иначе и нельзя. Только с таким самообладанием и можно охотиться на крупных зверей, вроде льва или тигра.

Тут охотник ежеминутно встречается со всевозможными неожиданностями, причем малейшая оплошность может иметь роковые последствия.

В подобных случаях крепкие нервы – это все. Храбростью, конечно, обладает всякий добровольно поехавший охотиться на львов. Но нервы?..

У трех наших охотников по этой части было все безупречно. Ни один из них даже не моргнул, когда появилась львица. Только пальцы еще крепче сжали тяжелые двустволки, дула которых даже не шелохнулись.

Главным лицом в компании был мужчина во цвете лет и сил, – лет тридцати двух или пяти, – высокий, смуглый, могучего сложения. Болтун называл его *monsieur* Андре.

Сам болтун был юноша лет двадцати трех, а на вид даже моложе – лет восемнадцати. Выговор выдавал в нем парижанина из предместья, настоящего парижского гамена. Небольшого роста, но мускулистый крепыш, он смело смотрел на львицу своими серо-голубыми плутовскими глазами.

Третий был бесстрастен, как факир, и всей своей выправкой напоминал старого солдата, он им и являлся в действительности. Худощавое лицо, испещренное шрамами, большие брови дугой, нос крючком, длинные, концами вниз, усы, борода в виде запятой, грудь колесом – словом, типичная солдатская наружность. Лет ему было не более сорока пяти.

Львица, кончив осмотр, глухо рыкнула, точно мурлыкнула, ударив себя хвостом по бедрам, сморщила нос, прижала уши и вся подобралась, готовясь к прыжку.

Андре стал медленно поднимать винтовку, предостерегая товарищей:

– Главное – не стрелять! Ни в каком случае! Ты понял, Фрикё? Вы слышали, Барбантон?

– Понял, – отвечал молодой человек.

– Есть, – отозвался старый солдат.

Охотник прицелился. Он уже собирался спустить курок, чтобы опередить нападение львицы, как вдруг та – не то из каприза, не то из любопытства – выпрямилась и тихо повернула голову в противоположную от охотников сторону.

Этим движением она подставила себя под выстрел. Но охотник невозмутимо, словно перед ним был безобидный кролик, опустил винтовку и сам стал смотреть в ту же сторону, куда повернулась львица. Очевидно, он был непоколебимо уверен в себе.

Львица вздрогнула всем телом. Справа и слева послышался рев. Точно два громовых раската прокатились по лесу.

Заколыхались лианы и кусты, и на поляну выскочили два огромных льва. С первого взгляда они признали друг в друге врага. Более чем врага – соперника.

Сверкая глазами, ошетилив шерсть, они с вызывающим видом стояли друг против друга и рвали когтями землю. Охотников, находившихся от них шагах в тридцати, они не удостоили даже взглядом.

Наконец оба льва разом испустили короткий сдавленный крик и, подпрыгнув метра на три вверх, бросились друг на друга. Так, в воздухе, они и сшиблись. Послышался хруст костей, противный звук разрываемого мяса – и оба зверя тяжело рухнули наземь.

– Недурно причесали друг друга! – тихо сказал своему соседу, господину Андре, молодой человек, которого звали Фрикё.

– Этак они и впрямь растерзают друг друга, а жаль.

– Шкуры жаль?

– Да, и шкуры. Разве ты не находишь, что три таких великолепных шкуры были бы недурным началом для нашей будущей коллекции?

– Согласен. Но помешать этим дурням терзать друг друга мы сможем только одним способом: застрелив их теперь же.

– И вправду дурни! – вставил свое слово солдат. – Дерутся из-за самки!

– Вы не очень галантны, дружище Барбантон, – перебил Фрикё. – А мне так даже нравится эта битва. Я видал львов в цирках Биделя, Пезоне. В сравнении с этими экземплярами те просто набитые чучела. Эти же – настоящие молодцы.

– Не спорю. Но это лишний раз доказывает, что можно быть молодцом и в то же время дураком. Не проще ли было бы им поделить между собой свою мамзель, чем откусывать друг другу носы и рвать шкуры ей же на потеху. Взгляните: ведь она прямо смеется над ними.

– Служивый, вы очень жестоки. Но не беспокойтесь: Андре скоро положит этому конец. Все трое будут наши – и эта молодая особа, и ее воздыхатели.

Во время этой беседы борьба шла своим чередом. Львица, присев на задние лапы, томно следила за ожесточенной дуэлью, сузив глаза и позевывая.

Андре снова поднял винтовку и прицелился. Он взял на прицел движущуюся группу, рассчитывая, что борцы хоть на секунду приостановятся или хотя бы замрут на мгновение в какой-то статичной позе. Надежда не оправдалась. Львы продолжали безостановочно грызться. Стрелять было нельзя.

Раздосадованный охотник обратился к Фрикё:

– Ты сейчас говорил о том, чтобы их застрелить. Что может быть лучше, но я боюсь, что рана не будет смертельной.

– Хотите, я заставлю их на минутку остановиться? Времени будет достаточно, чтобы уложить одного из них.

– Ну, попробуй.

– Идет. Вы готовы?

– Готов.

– Начинаю.

Молодой человек поднес к губам два пальца и издал свист, очень похожий на паровоз. Создалось впечатление, что идёт поезд. Дерущиеся львы замерли и приостановили бой.

– Вот бы сделать моментальный снимок! – вскричал Фрикё.

Слова его были заглушены грянувшим выстрелом. Андре воспользовался коротким мигом. Один из львов, получив пулю в висок, привскочил на задние лапы, взмахнул в воздухе передними и упал бездыханный, даже не простонав.

Другой лев, не разбирая, откуда прогремел выстрел, сваливший его противника, приписал победу себе единолично и громко прорычал в знак своего торжества. Он гордо выпрямился над трупом врага и бросил на львицу победоносный взгляд.

– Ах, ты, болван! – пробормотал Фрикё.

Даже не дожидаясь, пока рассеется дым, Андре снова прицелился и выстрелил во второго льва, представлявшего в этот момент отличную мишень.

– Великолепный двойной выстрел! – с восторгом вскричал Фрикё.

– Чисто сработано, – похвалил Барбантон.

– Винтовку мне, – коротко произнес Андре, протягивая товарищам свое разряженное ружье.

Увидев поверженным и второго своего поклонника, львица, наконец, вышла из состояния беззаботности.

Во время драки соперников, не замечавших окружающего, она видела, как сверкнули две молнии сквозь облачко беловатого дымка. Она слышала и выстрелы и уяснила, что все это сделали те самые люди, на которых до сих пор не обращалось никакого внимания.

Смутно предчувствуя опасность, она решила идти ей прямо навстречу. Уверенная в своей силе, смелая, ловкая и хищная, львица понимала, что лучший способ защититься – это напасть самой, и немедленно.

Быстро решившись, она отпрянула в сторону, сделав вид, что хочет обратиться в бегство, и в тот же миг, совершив боковой прыжок, устремилась прямо на охотников.

Новичок был бы сбит с толку этим неожиданным маневром, тем более, что была дорога каждая минута: львица находилась от охотников метрах в двадцати. Два-три прыжка, то есть семь-восемь секунд, – и она могла навалиться на них. Но Андре не так-то легко было провести. Он выстрелил в тот самый момент, когда зверь собирался прыгнуть.

Пуля попала львице в бедро и перебила его. Она упала на землю в пятнадцати метрах от охотника. Прыгнуть уже не могла, но была еще очень опасна. Она могла ползти с помощью передних лап и в последнюю минуту даже броситься на своих врагов.

Львица громко рычала от боли и ярости. Андре подпустил ее к себе на восемь шагов и разрядил винтовку ей в самую пасть.

Она упала с совершенно раздробленной головой. Андре не мог понять, отчего действие выстрела было так сокрушительно? Череп был буквально раскрошен, глаза вывалились, зубы вылетели, язык оказался изорванным в клочки.

– Чем вы зарядили свое ружье? – спросил он Барбантона.

Солдат в первый раз засмеялся, отчего его морщинистое лицо еще больше сморщилось.

– Разрывной пулей, только и всего. А разве плохо?

– Напротив, очень хорошо. Без этого не знаю, как бы я справился с львицей.

– Раз речь шла о самке, тут нужна особая осторожность. Я знал, что она доставит нам хлопот. Таков женский пол! Самцы погибли честно, благородно, без всяких фокусов, а она не могла и тут обойтись без хитростей. Я это предвидел и принял свои меры предосторожности. Берите с меня пример, monsieur Андре, и никогда не доверяйте женскому полу – ни у людей, ни у животных. Прислушайтесь к моему совету – совету старого жандарма и обманутого мужа.

Молодой человек только улыбнулся на эту тираду и произнес, указывая на мертвых львов:

– За работу, друзья! Освежаем каждый по одному, а тем временем подойдут наши негры и отнесут шкуры в лагерь.

Охотники сейчас же принялись за дело. Работа у них спорилась и не мешала оживленно болтать между собой. В их беседе заметна была большая фамильярность и самое искреннее товарищество, несмотря на разницу в их общественном положении.

– Черт возьми! – говорил Фрикé. – Для начала недурно! Как вы находите, monsieur Андре? Я полагаю, вы довольны.

– Я в восторге и считаю себя счастливейшим охотником.

– Вы теперь вознаграждены за неудачное открытие сезона охоты в Босе. 1-го сентября воротиться в Париж с пустым ягдташем! Это был для вас удар.

– Немудрено, когда как раз перед тем на моей территории несколько дней орудовали браконьеры.

– Неужели браконьерство еще процветает?

– Теперь в особенности, потому что жандармы им все спускают, только что не потворствуют. Слышите, Барбантон? Это в ваш огород.

– Нет, *monsieur* Андре, не в мой! Я на континенте никогда не служил в жандармерии. Я был жандармом в колониях, а там браконьерствуют канаки, дичью же служат люди. Там охота – источник пропитания.

– Как же, помним! – засмеялся Фрикé. – Нас двоих и еще доктора Ламперьера вы чуть не с вертела стащили.

– Ну, это пустяки. Я хотел только сказать, что жандармы бывают разные и что браконьеры тоже не все одинаковы. А скажите, *monsieur* Андре, в этой стране, где мы находимся, существует людоедство или нет?

– Здесь, в ста километрах от Сьерра-Леонского берега, – могу положительно сказать, что нет. К тому же здесь британские владения, а англичане очень суровы с неграми.

За беседой работа быстро подвигалась. Охотники работали усердно и старательно, несмотря на жару и духоту в лесу. Через час все три шкуры были содраны с искусством, которому мог бы позавидовать всякий натуралист, и аккуратно свернуты в ожидании негров-носильщиков, которые что-то долго не шли.

Андре в третий раз прислушался к смутному лесному гулу, среди которого он различил вдали нестройные крики.

– Наконец-то! Идут наши горланы.

На поляну выбежали человек двенадцать негров с копьями и ружьями. Они кричали, выли, размахивали руками, точно обезьяны.

– Масса!.. Несчастье!..

– Масса!.. Иди скорей!..

– Ах, какое несчастье...

– О! Бедная мадам!..

– Где мадам? Какое несчастье? – спросил с неудовольствием Андре.

Негры кричали все вместе, так что нельзя было ничего разобрать. Андре приказал им замолчать. Выбрав одного из них, который с виду казался смышленнее остальных, он спросил его, в чем дело.

– Масса, там белая женщина.

– Какая?

– Не знаю.

– Нечего сказать – объяснил. Дальше?

– Горилла...

– Какая горилла?

– Из леса...

– Правильно. Верю, что из леса, живая, а не чучело из музея. Ну?

– Она похитила белую мадам... Понимаете?

Андре невольно вздрогнул. Негр, по-видимому, говорил правду, хотя какими судьбами могла попасть сюда, в африканский лес в двадцати милях от Фритауна², белая женщина?

Но гориллы часто похищают женщин, и Андре решил проверить этот факт. Крикнув товарищей и зарядив оружие, он во главе своего небольшого отряда кинулся в погоню.

² Здесь и далее сохранены географические названия, принятые в конце XIX – начале XX вв.

Глава II

Через лес. – По следам гориллы. – Бывший жандарм действует без всякого одушевления. – Беда от брака с «зверинцем». – Растерзанные люди. – Труп майора. – Крик гориллы. – На баобабе. – Отчаянное сопротивление, – Помогите! – Выстрел. – Смертельно ранен. – Агония. – Спасена! – Удивление Андре. – Изумление Фрикé. – Жандарм просто поражен.

Идти девственным лесом всегда трудно, а в особенности опушкой или около лесных полян.

В середине леса, под деревьями, высокая трава расти не может, потому что солнце под деревья совсем никогда не заглядывает. Там нет и лиан, один только гладкий мох устилает старую девственную почву, покрытую растительным перегноем. Путнику тут нужно остерегаться не только скрытых трясин, невидимых болот, предательских оврагов и неожиданных бугров, но и стараться не запнуться о сваленное дерево. И все-таки путь по такому лесу не очень труден. Но вот истинное мучение – когда приходится идти лесами, наполовину выгоревшими от тропических гроз, что бывает далеко нередко. Новые деревья с громадными прическами из лиан с необычайной быстротой вырастают на месте погибших, а внизу из девственной, жирной почвы с силой тянутся густая, высокая трава и древовидные растения.

От такого буйства зелени ботаник придет в неописуемый восторг, а путешественник и исследователь – только в ярость, потому что продвигаться вперед тут можно лишь с большим трудом, с каждым шагом расчищая себе дорогу тесаком или топором. Со всех сторон его будут опутывать лианы, начнут спотыкаться ноги о корни, колючки впиваться в тело, задыхаясь от жары, обливаясь потом, весь искусанный насекомыми, путник измучится вконец и проклянет тот час, когда он забрался в эти непроходимые дебри.

В таком именно положении оказались три европейца, когда покинули лесную поляну, услышав от испуганных негров весть о похищении гориллой неизвестной белой женщины.

Андре и Фрикé, движимые благородством и великодушием, беспокоило рвались вперед, прокладывая себе дорогу тесками; старый солдат не отставал от них и тоже энергично работал тесаком, но при этом вспоминал всех чертей и проклинал вместе с гориллами все то, что не принадлежало к сильному полу.

– Женщина – в девственном лесу! Занесет же нелегкая! Если бы не моя преданность к вам, monsieur Андре, и этому мальчишке Фрикé, ни за что бы я не пошел выручать эту особу. Пусть бы общалась со своей обезьяной, как сама знает.

– И это говорит Барбантон, старый солдат, верой и правдой служивший столько лет Венере и Беллоне!

– Верой и правдой, monsieur Андре, в том-то и дело.

– Так неужели же вы оставили бы несчастную женщину в таком ужасном положении?

– А за каким рожном она сюда забралась? Кто ее звал?

– Спасем ее сперва, а разнос ей сделаем уже потом.

– Знаете, monsieur Андре, я не чувствую ни малейшего воодушевления.

– Тем лучше! Хладнокровие – первое дело на войне.

– Я не то совсем хочу сказать! Я хочу сказать, что иду с вами против воли, как бы по принуждению.

– Барбантон, у вас нет сердца.

– Точно так, monsieur Андре.

– У него сердце съела его жена, Элодия Лера́, – не правда ли, жандарм? – спросил насмешливо Фрикё.

– Правда, Фрикё. Старого солдата, кавалера с шевронами и медалями, она едва-едва не ввела в страшный грех...

– Но ведь вы находитесь теперь в тысячах двухстах милях от вашего домашнего бича.

– Тут и десяти тысяч миль мало. Это такая гиена, такая ведьма! Настоящий черт в юбке. Волчица. Тигрица. Змея подколодная...

– Да вы никак всех зверей хотите перебрать, – засмеялся Фрикё. – Назовите ее уж лучше прямо зверинцем – и дело с концом.

– Ведь вы сами знаете, на что она способна.

– Это верно. Вам не повезло. В брачной лотерее вам достался несчастливый номер. Но это все же не основание для того, чтобы мерить всех женщин одним аршином и ненавидеть их всех без разбору.

– Для спасения ребенка я бы кинулся к акулам, в огонь, в расплавленное олово.

– Нисколько не сомневаюсь!

– Но ради женщины – слуга покорный!

– Вы очень жестоки.

– Но справедлив. Я знаю, что, спасая женщину, я невольно приношу вред какому-нибудь мужчине, не причинившему мне ни малейшего зла. А я этого не хочу.

– Не старайтесь изобразить себя чернее, чем вы есть. Я отлично знаю, что вы и сами по себе вырвали бы эту несчастную из когтей чудовища. Не можете же вы отказать в помощи, когда вас о ней умоляют.

– Гм!.. Гм!..

– Так-то, старый ворчун.

– Если еще какая-нибудь незнакомая – ну, может быть...

– Даже и в том случае, если бы это оказалась ваша жена, сама Элодия Лера́... Я ведь вас знаю!

– Ну, нет! Миллион раз – нет. Не городите пустяков. Это может накликать на нас несчастье.

– Повторяю: даже и в этом случае вы бы выручили. Мой милый друг, от вас исходит добро, как от белого хлеба, как от папушника; вы ведь только притворяетесь злым.



Андре и Фрикé рвались вперед прокладывая себе дорогу тесаками.

– Думайте, как хотите, но только я вам верно говорю: эту... особу (язык не повернулся сказать: мою жену) я бы от гориллы спасать не стал. Кажется, горилла из всех обезьян самая свирепая?

– Говорят. А что?

– А то, что через неделю сожительства с гориллой эта особа вконец бы измучила бедное животное; через две недели обезьяна лишилась бы рассудка, а через месяц скончалась бы от разрыва сердца. Не ее нужно бы было спасать от гориллы, а гориллу от нее. Таково мое убеждение, – закончил солдат, неистово расчищая тесаком лианы и кусты.

Фрикé и Андре от души расхохотались такому неожиданному выводу.

– Однако это исключено, – сказал Андре. – Ваша жена живет себе преспокойно в Париже и торгует в своей лавочке, а вы опять странствуете по белу свету.

– Нет худа без добра. Ей я обязан тем, что нахожусь с людьми, которых люблю больше всего на свете, то есть с вами и с Фрикé. Конечно, это нисколько не исключает моей привязанности к доктору Ламперьеру и к нашему матросу Пьеру ле Галю.

– И у нас вы встречаете полную и искреннюю взаимность, – отвечал Андре, крепко стискивая ему руку.

Молодой подлесок сменился, наконец, старым лесом. Вместо зарослей потянулись ряды больших деревьев с высокими гладкими стволами. Под густым, непроницаемым для солнца сводом сделалось темно и душно; в воздухе чувствовалась тягостная, знойная влага, она была чрезмерно насыщена испарениями гниющих растений. Над почвой невидимо поднимались пары, пронизанные миазмами лихорадки.

Тут могли жить и прятаться только дикие звери.

Три друга шли теперь довольно быстро, но силы их уже истощались. С каждым шагом усталость давала себя чувствовать все сильнее. Негры едва поспевали за своими господами, а те из них, которым поручено было тащить львиные шкуры, отставали весьма значительно.

Но вот вдаль послышался неопределенный гул, затем выстрел, прозвучавший глухо во влажном воздухе.

Усталость путников как рукой сняло. Охотники бросились вперед, как солдаты на батарею, перепрыгивая через все препятствия, и достигли, запыхавшись, небольшой группы испуганных людей.

Их глазам представилось ужасное зрелище.

На земле лежал навзничь человек с распоротым животом и вырванными внутренностями; кругом валялись клочья разорванной одежды, вперемешку с кусками кишок. Цела была только голова и синий матросский воротник на плечах мертвеца.

То был труп белого, по одежде матроса.

Андре взглянул на лицо, искаженное короткой, но, вероятно, мучительной агонией, и воскликнул:

– Да ведь это один из наших матросов!.. Фрикé, погляди!

– Увы! Да... – отвечал, бледнея, молодой человек. – Это с нашей шхуны...

– А вот и еще мертвец!.. Да тут была целая бойня.

В, нескольких шагах лежал другой труп. Труп негра. Одно плечо его было буквально оторвано напроцъ. Сквозь сломанные ребра виднелось легкое; с лица была содрана вся кожа.

– Боже! Мы опоздали! – пробормотал Фрикé. – Мне эти раны знакомы.

– Становитесь ближе к стволу дерева, джентльмены! – крикнул им по-английски господин в европейском костюме и с двустволкой в руках. – Спешите! Обезьяна будет нас сейчас атаковать.

С дерева повалились с шумом огромные ветви. Кто-то кидал их с самой вершины. Наши охотники поспешили последовать разумному совету и подошли к незнакомцу, около которого теснились четыре негра в крайнем испуге. У одного была проломлена голова, из раны обильно текла кровь.

– Жертва гориллы, вероятно? – спросил Андре, указывая на трупы.

– Гориллы, сэр, – флегматично отвечал европейец. – Она сидит на баобабе, почти прямо над нами. Я ее ранил, отчего она только еще больше рассвирепела.

– Мне мои негры сказали, будто обезьяна утащила какую-то женщину.

– Это правда. Обезьяна схватила ее на наших глазах и унесла на дерево. Матрос хотел ее защитить – и вот что с ним сделало чудовище. Негр тоже поплатился за свою попытку.

– А женщина?

– Все произошло так быстро, что я не успел сделать выстрела. К тому же я боялся задеть пулей даму. Впрочем, думаю, что обезьяна не успела причинить ей зла. Она, по всей вероятности, поместила похищенную даму на низких ветвях баобаба, потом, испугавшись выстрелов, оставила ее там, а сама поднялась на вершину. Я видел чудовище пару раз, когда она обламывала ветви, которыми в нас бросает. Но она очень хитра и ловка: покажется и тотчас же спрячется. Я никак не могу за ней уследить... Чу! Вы слышите?

С вершины дерева раздался резкий, отрывистый и громкий крик:

– Кэк-ак!.. Кэк-ак!..

Крик исходил как будто из металлической трубы и чередовался с глухим рычанием, словно чудовище, перед тем как крикнуть, старалось набрать в свои легкие как можно больше воздуха.

Негры в ужасе выбивали зубами дробь. Этого крика они не могли слышать без дрожи.

– Так что вы не можете указать в точности, где находится похищенная жертва? – продолжал Андре, упорно развивая свою мысль. – Вы даже не знаете, наверное, жива ли она?

– Yes. Но я надеюсь, что она жива. И я сделал все, что обязан сделать в подобном случае каждый порядочный человек.

– Нисколько в этом не сомневаюсь и готов оказать вам поддержку всеми силами; также и мои друзья. Если мы ее не спасем, то отомстим за нее. Итак – за дело!

Обезьяна по временам переставала кричать. Тогда слышен был треск ломаемых сучьев, которые, падая на землю, с шумом ударялись о стволы баобаба. Андре, напрягая зрение, оглядывал каждую ветку, стараясь обнаружить обезьяну. Вдруг, несмотря на все свое хладнокровие, он вздрогнул.

– Я ее вижу, – сказал он тихо. – Она на высоте около двадцати пяти футов. У нее из бедра течет кровь, но рана, должно быть, легкая, потому что незаметно, чтобы обезьяна ослабела. Посмотрим, не удастся ли ее свалить.



На земле лежал труп белого, по одежде матроса.

– А если вы ее еще больше раздражите, но не убьете? – спросил незнакомец.

– Постараюсь убить, – холодно возразил Андре. – Моя винтовка заряжена пулями калибра 8 при семнадцати с половиной граммах английского пороха. Если и при этих условиях я не убью гориллу, то, значит, мне особенно не везет.

Со свойственным ему изумительным хладнокровием Андре медленно поднял свою винтовку и прицелился сквозь густую путаницу ветвей и листьев.

Но выстрела не последовало. Обезьяна была невидима для невооруженного глаза.

– Вот несчастье! – пробормотал он. – Я потерял ее из вида. Вижу только неопределенное пятно...

– Помогите!.. Помогите!.. – раздался почти над самой его головой женский голос.

Кричали по-французски. Три друга вздрогнули. Нужно было торопиться, потому что этот крик неминуемо должен был привлечь внимание гориллы.

Андре решился. Грянул оглушительный выстрел и громовым раскатом прокатился по лесу. Одновременно с выстрелом раздался ужасный вой.

– Попал! – вскричали Фрикé и Барбантон, англичанин же взирал на эту сцену бесстрастно и безмолвно.

С вершины дерева валилось на землю огромное мохнатое тело, цепляясь за ветви и кувыркаясь. Горилла была ранена смертельно, но все еще была опасна и страшна. Она ухватилась за один из суков, оперлась ногами на другой и вперила в своих врагов маленькие свирепые глаза. Между нею и людьми было не более шести метров.

Ее громадные челюсти с длинными желтыми зубами громко стучали друг о друга. Морда, эта ужасная карикатура на человеческое лицо, была искажена зверской улыбкой. Горилла выла, хрипела и харкала кровью, стекавшей на мох почти непрерывной красной струей.

Обезьяна собрала последние остатки сил, чтобы ринуться на охотников. Быть может, им пришлось бы дорого заплатить за свою победу.

К счастью, в этот момент раздался снова крик похищенной женщины, звавшей на помощь. От своей жертвы горилла была метрах в трех. Между тем женщина, вместо того чтобы спрятаться хорошенько в ветвях, неосторожно выпрямилась на одном из сучьев баобаба.

Обезьяна раздумала прыгать на землю. С криком «кэк-ак» она устремилась на свою пленницу, которая снизу не была видна охотникам.

Андре выстрелил еще раз. Пуля попала ниже, чем метил стрелок, не в висок, а в челюсть гориллы. Рана была тяжелая, но не остановила обезьяны. Пленнице грозила неминуемая гибель. Горилла уже наклонилась, чтобы схватить ее...

Грянул третий выстрел. На этот раз смертельный. Пуля пробила горилле сердце навывлет.

Обезьяна выпрямилась, постояла, схватила своими огромными лапами за грудь и упала навзничь на землю с глухим вздохом.

Удачный выстрел был сделан жандармом. Своим спасением женщина была обязана ему.

Осмотрительный англичанин подошел к обезьяне и на всякий случай выстрелил ей в ухо. А Андре подозвал двух негров и стал им быстро что-то объяснять, указывая на ветви баобаба.

Лазить по деревьям для негров привычное занятие. В несколько секунд они взобрались на дерево – не по стволу, который слишком толст для этого, а по висячим корням, выпускаемым боковыми ветвями и вертикально спускающимся на землю, куда они и врастают.

Фрикé полез вместе с неграми, чтобы руководить их действиями. Он сам был так же ловок, как убитая горилла, так что лезть на баобаба ему ничего не стоило. Вдруг он вскрикнул, точно попал в змеиное гнездо, схватился за лиану и быстро-быстро спустился вниз, бледный, с искаженным лицом.

– Что с тобой? Что случилось? – спросил встревоженный Андре.

– Скажите, я очень похож на сумасшедшего?

– Ровно настолько, что напрашивается вопрос: «Не сошел ли ты с ума?»

– Действительно, мой друг, вы выглядите каким-то чудаком, – подтвердил Барбантон, заряжая свою винтовку.

– Чудаком!.. Только чудаком? Да мне бы нужно кровь пустить, а то у меня голова, пожалуй, лопнет. Впрочем, с вами самими сейчас случится то же самое.

– Почему?

– А потому... Вот смотрите.

Незнакомка тем временем осторожно спустилась с дерева на землю с помощью негров.

Андре и Барбантон одновременно обернулись к ней. Первый невольно вскрикнул. А жандарм... Невозможно описать гамму чувств, отразившихся на его энергичном, бравом лице: изумление, тревога, гнев, недоумение. Он стоял как вкопанный, будучи не в силах ни думать, ни говорить, ни даже пошевелиться.

Едва-едва смог он только пролепетать глухим, замогильным голосом:

– Элодия Лера!.. Жена!..

Глава III

Транспорт парижских охотников. – Открытие сезона охоты. – Край пернатой дичи. – Жилище охотника-космополита. – Разочарование, мистификация, бедствие. – Браконьеры. – Губительная сеть. – Печальное возвращение. – Клин клином. – Увлекательное путешествие по... столовой. – После выпивки. – О том, как горе-охотники затеяли экспедицию по белу свету. – Кто будет начальником экспедиции? – единогласно выбран Андре. – Через два месяца назначен отъезд.

Чтобы уяснить происходящее, вернемся немного назад, к 31-му числу августа месяца 1880 года. Это было как раз за четыре месяца до начала нашего рассказа.

В семь часов вечера на станции Монервиль (первая остановка после Эстампа) остановился пассажирский поезд. Из него вышли семеро охотников-парижан в полном охотничьем снаряжении: в сапогах, гетрах, с поясами, ружьями и сумками – все, как полагается. У каждого из этих столичных немродов было, как водится, по легавой собаке. Милые песики, радуясь свободе после собачьего вагона, в котором они, протестуя, были два часа подряд, весело лаяли и прыгали. Они понимали, что предстоит охота, потому что их господа вырядились в охотничьи доспехи, которых не надевали уже месяцев семь.

Да. Завтра утром, с восходом солнца, назначено открытие охоты. Люди рады не меньше собак. Рады вдвойне.

Во-первых, потому что завтра 1 сентября – открытие сезона, а во-вторых, потому что произойдет это в Босе, местности, изобилующей куропатками, где хороший стрелок может выказать все свое искусство.

У станции дожидался громадный шарабан, запряженный парой крепких першеронов. Охотники уселись в него вместе с собаками, возница в блузе щелкнул бичом – и солидный экипаж покатился по дороге.

В пути охотники весело беседовали. Темой служило, конечно, предстоящее торжество. Шесть километров от станции до деревеньки С. проехали совершенно незаметно.

Расспросили, между прочим, и возницу, краснощекого крестьянского парня из местных, и пришли в восторг от его сообщений. Уже лет девять, с самой войны, не было такого изобилия куропаток и зайцев. В прошлую среду парень делал вместе с самим помещиком обход имения и видел более сотни стай, а фермеры и их работники говорили ему, что на самом деле наберется втрое больше.

Допуская даже значительное преувеличение и хвастовство со стороны парня, очень довольные охотники заранее предвкушали успех. Возбуждение их достигло апогея, когда шарабан подъехал к премиленькому домику и остановился у крыльца.

Домик был современной постройки, совершенно простой, без всяких архитектурных претензий, но просторный, вместительный, с прекрасной планировкой и чрезвычайно комфортабельно обставленный.

Сезон охоты можно было провести в нем со всеми удобствами.

Услыхав стук экипажа, с гамака из волокон алоэ, подвешенного под липами, навстречу гостям поднялся молодой человек, лет тридцати с небольшим. Это был владелец охотничьего дома.

– Андре!.. Андре Бреванн!.. Здравствуйте, Андре!.. Здравствуйте, радушный хозяин!

Гости с шумом устремшись к нему, собаки с громким лаем понеслись по клумбам и грядам.

Компания мужская, все свои, – следовательно, церемонии отброшены.

Хозяин радушно и приветливо, но совершенно просто, без всяких светских условностей, пожал протянутые ему руки. Он одет в синюю фланелевую блузу, в полотняные штаны и в высокие сапоги из желтой кожи. Просто, даже чересчур просто, – дескать, чем богаты – тем и рады. Не взыщите, мол, каков уж есть.

Обед был готов к приезду гостей, обед хоть и полевой, спортивный, но рассчитанный на гурманов. Готовила его Софи, великолепная стряпуха, знающая свое дело.

Суп стоял уже на столе, а все прочее жарилось, варилось, пеклось, кипело и бурлило, дожидаясь своей очереди.

– За стол, господа! Пожалуйста!

Гости расселись в просторной столовой, где все стены увешаны разнообразными трофеями, добытыми хозяином во всех пяти частях света.

И парижане, приехавшие поохотиться за скромной куропаткой, начинают восторгаться слоновьими клыками, рогами лосей и карибу, буйволов и носорогов, чешуей ящериц, шкурами львов, тигров и леопардов, чучелами гигантских и микроскопических птиц, одеждою и утварью дикарей, головными уборами из перьев, ожерельями из когтей и зубов, разными амулетами, раскрашенными веслами, оружием и проч. Все это убранство придавало маленькому деревенскому домику известный колорит.

Не будем подробно описывать вкусный обед и излагать разговор охотников. За столом компания просидела больше трех часов. У Андре Бреванна был винный погреб, доставшийся ему от дяди-миллионера, крупного арматора и большого гурмана. Разумеется, Андре не поскупился для гостей, и когда все стали наконец расходиться, прощаясь «до завтра», то один из них произнес:

– Завтра!.. Да ведь оно уже сегодня.

Но в семь часов утра, в походный час, все были снова в сборе в столовой, хотя и чувствовали себя невыспавшимися. Подан был легкий завтрак. Наскоро закусивши, восемь охотников весело рассыпались по равнине, каждый в сопровождении егеря, нагруженного запасными патронами.

Андре, не боясь преувеличений, сам объявил своим гостям накануне за обедом:

– Дичи так много, что вы будете стрелять почти без перерыва.

Прошло полчаса. Охотники усердно бродили по лесу. Странно: не раздалось еще ни одного выстрела. Не взлетело до сих пор ни одной куропатки.

Андре не знал, что и думать.

Прошел час. Ничего! Взлетели, правда, несколько одиночных куропаток и малые стаи перепелок, штуки в две-три, но и только. По ним, конечно, били. Но где же обещанные громадные стаи? Стало быть, охотников обманули?

Дичи нет. Сказать правильнее: ее уже нет. Она исчезла дня три тому назад. Охотничьи угодыя Андре подверглись нашествию браконьеров, которые истребили все живое. А он так хотел доставить удовольствие своим приятелям!

Браконьеры нагрянули целой шайкой и переловили куропаток сетью. Этот способ чрезвычайно губителен для дичи.

Сеть протянули над долиной и в два приема поймали не меньше трех тысяч куропаток.

Такие случаи нередки. Владельцы охотничьих угодий много терпят от браконьеров и боятся их ужасно.

Будь Андре один, он отнесся бы к инциденту спокойно, но своих гостей он положительно не знал, чем утешить. Уж очень было им обидно записываться в горе-охотники. С досады они обрушились на жаворонков и погубили их несколько десятков.

Завтрак был назначен в половине двенадцатого, но уже в десять часов все вернулись в дом. Грустно было смотреть на принесенные ими мелкие трофеи: куропатка, заяц, три перепелки и штук сорок жаворонков. Охотники горько жаловались и проклинали судьбу.

Сам хозяин во время охоты не сделал ни одного выстрела. Чтобы утешить гостей в их совершенно оправданной печали, он прибегнул к неизменному средству – угостил их самыми лучшими винами из своего погреба. Средство великолепно действовало и послужило прелюдией к многочисленным кушаньям, изумительно приготовленным поварихой Софи, которая на этот раз превзошла самое себя. Благодаря изысканным яствам и чудным винам, настроение гостей существенно переменялось к лучшему. Досада от неудачной охоты улетучилась. Головы разгорячились. Тон разговора из минорного перешел в мажорный.

Это и понятно. Не вечно же ныть и жаловаться, не все же проклинять браконьеров, ворчать по поводу губительной сети и толковать о давешних несчастных жаворонках, перепелках, куропатке и зайце. К тому же в столовой было так хорошо, так уютно, она была так красиво убрана цветами и зеленью, и тосты были такие симпатичные... Не мудрено, что веселое расположение духа завладело гостями.

И вот наши охотники за жаворонками внезапно загорелись страстью к путешествиям. В мечтах они пустились переплывать океаны, пробираться через джунгли, прерии и девственные леса, избивать бизонов, истреблять тигров, стрелять львов и сокрушать слонов. Ничто не могло устоять перед их отвагой и удалью.

Путешествие было интересное и притом совершенно безопасное, потому что совершалось оно не выходя из уютной столовой. Так интересно было слушать Андре, с жаром описывающего все эти удивительные страны.



Но где же обещанные громадные стаи?
Стало быть, охотников обманули?

Гости увлеклись. Каждый из них воображал себя героем того или иного приключения. Временами раздавались восклицания:

— Браво!.. Я бы тоже так поступил!.. Да, превосходная вещь — путешествия... Как мне страстно хотелось странствовать, когда я был моложе... Я родился путешественником... Какой вы счастливец, Бреванн: вам удалось объехать весь свет.

— А вам кто мешает? — спокойно заметил Андре. — Все вы люди с независимыми средствами, холостяки и любители охоты. Неужели вы так привязаны к нормандским равнинам и пикардийским болотам, что уж и прожить без них не можете?

— Вовсе нет! — вскричали словно наэлектризованные гости.

– Так за чем же дело стало? Вам нравятся мои трофеи? Извольте, поезжайте добыть себе такие же; по крайней мере, встряхнетесь, наберетесь впечатлений, испытаете здоровое волнение. Пережитые тревоги заставят вас потом сильнее почувствовать прелесть домашнего очага...

– Все это так, – заметил один из гостей. – Желание у нас есть. За деньгами остановки не будет. Но у нас нет случая, нет повода, нет руководства. Впрочем, повод, если хотите, есть; но зато руководство...

– Если я вас правильно понял, – спросил Андре, – вы хотите сказать, что, не имея никакого опыта, ни разу не путешествуя, вы боитесь натолкнуться на разные бытовые трудности, не имеющие прямого отношения к охоте. Так, что ли?

– Вот именно. Ведь ясное же дело – нельзя сесть на первый попавшийся пароход, приехать Бог весть куда, выйти на берег и пуститься на охоту. Ведь существуют тысячи вещей, которые нужно заранее обдумать и приготовить. Тут действовать очертя голову нельзя.

– Вот это правильно. Что верно, то верно.

– Наконец, путешествовать и охотиться одному... Бывают минуты, когда одиночество особенно тягостно. Я бы предпочел поехать компанией.

– О, да! Это верно!.. Компанией гораздо лучше!

– В таком случае и это улажено. Остается только – отсутствие руководства и недостаток опытности.

– Вот именно.

– Так что, если б нашелся бывалый, опытный человек, сплотил бы вас в одну группу, предложив к вашим услугам свои знания и опыт, вы бы ему доверились?..

– С восторгом!

– Только уговор: чтобы уж дичь была наверняка.

– На этот счет будьте покойны. Он заведет вас туда, где сетей не ставят, где не встретить дичи нельзя, хотя и там есть свои браконьеры, но только несколько иного калибра и в другом роде, чем здесь.

– Кто же этот человек?

– Да хоть бы я, если вам угодно.

– Вы, Андре? А мы думали, что вы решили больше не путешествовать.

– Пять минут тому назад я и сам еще так думал.

– А теперь, пять минут спустя?

– А теперь я решил поехать с вами и угостить вас такими охотами, где уж никакие мистификации, вроде сегодняшней, невозможны. Сказать правду, я даже обязан это сделать для вас.

– Вы серьезно?

– Серьезно.

– Знаете что? Вы удивительный человек.

– Ничуть не удивительный. Я только всегда быстро принимаю решения.

Как раз в эту минуту громко хлопнули пробки нескольких бутылок с красными этикетками и просмоленными головками.

Искрясь и пенясь, разлилась по бокалам дивная влага шампанского «Монополь». Веселое настроение достигло апогея.

– Итак, – подытожил Андре, вставая с бокалом, – мы едем охотиться. Это решено.

– Все едем!.. Все!.. И чем скорее, тем лучше.

– Чтобы подготовиться как следует к экспедиции, мне понадобится два месяца.

– Что так долго?

– Два месяца – долго? Да ведь нужно корабль подыскать, да приспособить его для наших целей, да починить, если нужно, да попробовать его ход, да экипаж подобрать...

Нужно заказать оружие и все снаряжение для экспедиции, и чтобы все было безукоризненного качества... Дня через два я вам представлю полный список всего необходимого, тогда вы сами увидите... Неужели же на все это два месяца – долго? Ведь экспедиция наша продлится месяцев десять, а то и год.

– Ну, хорошо. Два месяца так два месяца. Но не дольше!

– Дня не просрочу, будьте покойны. Теперь – два слова о расходах.

– Мы о расходах не говорим.

– Напрасно. Это очень важно. Я полагаю, что по двадцать пять тысяч с каждого будет вполне достаточно для того, чтобы покрыть все расходы. Я не считаю личного вооружения и снаряжения каждого из нас.

– А корабль?

– Я его куплю для себя. Я уже давно собираюсь завести себе увеселительную яхту. Вот мы и испробуем ее вместе.

– Когда же вы думаете начать приготовления?

– Немедленно, с этой же минуты. Охоту нашу следует считать законченной. Через час я еду в Париж. Если вы желаете остаться здесь – располагайтесь как дома. Мой дом весь к вашим услугам – от погреба до чердака.

– Нет, спасибо. Мы тоже поедем.

– Как угодно. Завтра вечером я буду в Гавре, в гостинице Фраскати. Опоздавших не дожидаемся. Утром 1 ноября яхта разведет пары – все должны быть на борту. Час отплытия будет зависеть от прилива.

– А куда же мы направимся?

– Это мы решим по выходе в море. Можно будет начать с Южной Африки, оттуда в Индию, в Индо-Китай... затем в Океанию... По-разному можно! Впрочем, теперь еще рано говорить об этом. Господа и дорогие мои друзья, пью за наше путешествие и в особенности за прочность вашего намерения... Dixi³.

³ Я сказал (лат.). – (Здесь и далее примечания редактора.)



– Итак мы едем охотиться. Это решено.

Глава IV

Домик на улице Лепик. – У парижанина. – Свидание двух лиц, побывавших у черта на куличках и собирающихся туда вновь. – Занятия Фрике. – Особое поручение. – Набор матросов. – Прогулка парижанина. – Улица Лафайет в 9 часов утра. – Несчастия содержателя табачной лавочки. – Нервы madame Барбантон. – Домашняя сутолока, грозящая трагическим исходом. – Вернуть бы то время, когда нас на вертел хотели насадить. – Нашего полку прибыло.

Андре Бреванн и его гости сели в поезд, проходивший через Монервиль в четыре часа дня, и поехали в Париж.

Охотники были шумно-веселы. О своей неудаче они не вспоминали, утешившись принятым решением. Как люди праздные, они были в восторге от того, что им предстоит участие в грандиозной экспедиции чуть не по всему белому свету. Мысленно они уже проносились по таинственным неведомым землям и участвовали в богатырских охотах. Андре, радуясь воинственному настроению своих друзей, которые за два часа пути до Парижа только еще больше укрепились в своих намерениях, крепко пожал им всем руки при выходе из вагона и простился, еще раз напомнив об обещании. Затем он кликнул извозчика, сказал ему на ухо несколько слов, и тот сразу же без лишних разговоров пустил фиакр на большой скорости, что вообще-то не характерно для возниц.

От Орлеанского вокзала ровно за три четверти часа фиакр доставил Андре на улицу Лепик, № 12. Андре прошел длинным коридором и вступил в хорошенький садик с деревьями и цветами. В глубине его находился уединенный павильон. Андре вошел в цветник и по усыпанным песком дорожкам дошел до павильона. Там он отворил двустворчатую дверь и очутился в большой комнате, которая служила, по-видимому, и рабочим кабинетом, и мастерской.

Андре, должно быть, была хорошо знакома эта комната, потому что он не обратил никакого внимания на ее обстановку. А обстановка была замечательна своей разношерстностью.

Во-первых – два громадных библиотечных шкафа, набитых книгами. Затем большая черная доска, исчерченная геометрическими фигурами и исписанная алгебраическими формулами – следы решения какой-то задачи по механике. Наконец, карта полушарий и множество деревянных и гипсовых моделей каких-то странных инструментов. Справа стоял верстак из вязового дерева, точильня для металлов и целая серия слесарно-механических инструментов. Наверху висела клетка со скворцом. Напротив верстака – большой дубовый письменный стол, заваленный бумагой и разными папками, хаотично набросанными одна на другую. По стенам – экзотические безделушки, шкуры животных, трофеев из пары ружей, абордажной сабли и салакко, а посередине, напротив дверей, портрет самого Андре Бреванна во весь рост и в натуральную величину.

Звонок, прикрепленный ко входной двери, пронзительно зазвенел. Скворец прекратил свою болтовню и стал подражать его металлическому звуку. Из большой плетеной корзины вылезла, махая хвостом, некрасивая собака со слежалой шерстью, но с живыми и добрыми глазами, влажным носом, черным, как трюфель, дотронулась до руки вошедшего гостя.

Отворилась боковая дверь. В комнату вошел молодой человек в синей блузе, как у Андре, и с непокрытой головой.

Уже в самой манере приветствия чувствовался истинный парижанин, типичный гамен, который всегда остается верен себе.

– Monsieur Андре!.. Вы!.. Вот здорово!

– Здравствуй, Фрикé! – отвечал Андре, крепко пожимая руку юноши, который ответил ему таким же сердечным пожатием.

– Какой это добрый ветер вас занес?

– Очень странное приключение, даю тебе слово.

– Не может быть! Наш запас приключений давно уже исчерпан. Ах, да! У вас сегодня должно было состояться открытие сезона охоты.

– Вот с этого-то и начинается приключение, могущее завести нас с тобой очень далеко.

– Ну, нам не страшно. Мы у черта на рогах побывали и домой вернулись.

– И опять, пожалуй, попадем к черту на рога.

– Что ж, я готов. А что, действительно предстоит постранствовать?

– Месяцев восемь или десять.

– А когда отправляться?

– Мне и тебе – завтра.

– Стало быть, будут и другие?

– Вечером расскажу тебе все.

– Значит, вы разделите со мной трапезу?

– Разумеется. Но только заранее предупреждаю: я очень основательно позавтракал и буду тебе плохим сотрапезником.

– Вы здесь у себя дома.

– Ну, а как твои работы?

– Три дня назад я окончил свой механический «промыватель». Настоящий класс! Действует превосходно. Могу ручаться, что при промывке золота не ускользнет ни малейшая частичка. Амальгаматор тоже готов к действию. Я снабдил его аппаратом, делающим невозможной кражу золота и ртути.

– Молодчина!

– Кроме того, я докончил вашу модель металлического патрона, непосредственно соединяемого с капсюлем пистонного ружья. Вот она!

– Превосходно!

– Вы довольны?

– Я в восторге.

– Мне это очень приятно.

– А ты патент на себя оформил?

– Как же я это сделаю? Ведь изобретатель – вы.

– Не говори пустяков. Патент для тебя – деньги, понимаешь? Если даже у меня есть какие-нибудь права, я уступаю их тебе и требую, чтобы ты ими воспользовался. А теперь изволь слушать о нашем деле. Завтра в восемь часов вечера ты выедешь в Брест.

– Ладно.

– Там ты наймешь на один год, с 15 сентября, десять патентованных⁴ матросов, корабельного повара и юнгу.

– Раз вы посылаете меня в Брест, значит, вы хотите, чтобы матросы были исключительно бретонцы, не иначе?

– Разумеется. Далее: двух машинистов И двух кочегаров, двух гребцов для лодок, суперкарга⁵, канонира, рулевого и боцмана. Всего, стало быть, двадцать одного взрослого и одного юнгу. Капитана, помощника, метрдотеля и повара для пассажиров я подыщу сам.

– Все?

⁴ Обладающим официальным правом заниматься своим промыслом.

⁵ Лицо, ведающее на судне грузом.

– Пока все. Выбирай людей надежных, проверенных. Полагаюсь на тебя всецело в этом отношении. Объясни, что они будут плавать на увеселительной яхте с очень добрым капитаном, который, однако, не шутит с дисциплиной. Собраться они должны в Гавре через две недели. Я желаю как можно скорее иметь их в распоряжении. Сумму жалованья ты определишь сам. Знаю, что ты проявишь надлежащую щедрость без излишества. По окончании плавания каждому, кроме того, будет награда, смотря по его заслугам.

– Все?

– Теперь все. Надеюсь, ты сейчас же можешь выехать? Препятствий нет?

– Препятствий? Что вы, monsieur Андре! Какие могут быть у меня препятствия? Я вольная птица.

– Пожалуйте кушать, господа, – объявила, отворив дверь, добродушная женщина с седыми волосами, типичная парижская «одна прислуга».

– Сейчас идем, madame Леруа. Бедняжка! Для нее будет потрясением, когда она узнает о моем отъезде. Впрочем, я обеспечу ее на все время своего отсутствия. Она будет меня дожидаться здесь в компании с моим скворцом Мальчишкой и собакой Бедой.

На другой день утром Фрикé, все в том же костюме, пешком прошел от своего дома до Монмартрского предместья и повернул на улицу Лафайета.

Было девять часов. Молодой человек шел с обычной развязностью парижского фланера, совершенно не думая о том, что предстоит вечером отъезд в Брест.

Оглядывая трамваи, глаза на витрины, прочитывая афиши, закуривая бесчисленное множество папирос в табачных лавочках, он шел вверх по бесконечной улице Лафайета, наслаждаясь водоворотом толпы, который так по душе всякому парижанину и так смущает приезжего из провинции.

Но Фрикé не праздный гуляка. У него цель. Он идет навестить друга.

Знакомых у Фрикé в Париже много, но друзей только двое: Андре и еще один человек, живущий в самом конце улицы Лафайета, почти в Пантене. Фрикé идет попрощаться с ним перед отъездом.

Всякий другой, отправляясь в такую даль, взял бы извозчика, но Фрикé даже в голову это не пришло. Ему напоследок хотелось пройтись пешком по парижскому асфальту, пробежаться по всем улицам, надышаться родным воздухом.

Поравнявшись с табачно-винной лавочкой, он смело вошел в нее, поклонился молодой особе, сидящей у конторки, и собирался уже пройти в комнату за лавкой, как вдруг, услышав за дверью крики и брань, остановился.

– Неудачно я попал, – прошептал он. – У madame Барбантон расходились нервы, а когда это случается, то для моего бедного друга настает суший ад. Такой, что самому Вельзевулу сделалось бы тошно. Но все-таки я зайду и пожму ему руку.

Он стукнул в дверь и вошел, не дождавшись даже традиционного «войдите».

– Честь имею кланяться, сударыня! – произнес он с особенной учтивостью. – Здравствуйте, дружище Барбантон!

На эти слова к нему быстро обернулся высокий мужчина в узких панталонах, жилетке из трико, с лицом суровым, но симпатичным, и дружески протянул молодому человеку обе руки.

– Ах, Фрикé! Я очень несчастлив, дитя мое!

Дама, в ответ на приветствие Фрикé, бросила на него косой взгляд и ответила, точно хлыстом ударила:

– Здравствуйте, сударь!

Ледяной, чтобы не сказать более, прием, однако, не смутил Фрикé. Он видал всякое. И поэтому решил храбро выдержать бурю и своей позиции не сдавать.

– Что случилось, мой милый вояка? Что у вас тут?

– Да то, что я доведен до бешенства. Взгляните на меня. Еще немного – и случится большой грех.

– Боже мой, да у вас все лицо исцарапано в кровь! – воскликнул Фрикé, невольно рассмеявшись. – Вы, должно быть, дрались с полдюжиной кошек.

– Нет, это все madame Барбантон. Вот уже целый час она пробует на мне свои когти. И, кроме того, осыпает меня оскорблениями. Позорит честь солдата, беспорочно прослужившего отечеству двадцать пять лет.

– Ну, что там... Может быть, вы и сами немного вспылили, – заметил Фрикé, зная, что заведомо говорит вздор.

– Если я и вспылел, то ведь ничего же себе не позволил, – возразил исцарапанный муж. – А между тем я бы мог...

Женщина разразилась злым, противным хохотом, от которого передернуло бы самого невозмутимого человека.

– Что бы ты мог? Ну-ка, скажи! Тон был агрессивный, вызывающий.

– Несчастная! Хорошо, что я с бабами не связываюсь, считаю это для себя позором, а то ведь я мог бы убить тебя одним ударом кулака!

– Это ты-то?

– Да, я. Но я не для того прослужил двадцать пять лет в жандармах, чтобы самому усесться на скамью подсудимых.

– Постой же, вот я тебе покажу.

Она наступала на него, он отодвигался. Вытянув вперед руку, она схватила его за седую бородку и стала дергать ее изо всех сил, крича и приговаривая:

– Да где тебе, ты такой трус и подлец!

Фрикé был изумлен. Он уже не знал, во сне все это или наяву. При всей своей находчивости, он совершенно растерялся.

– Сударыня, – нерешительно заговорил он, – до сих пор я думал, что наоборот – подлец и трус тот, кто бьет женщину, даже если он в столкновении совершенно прав.

Madame Барбантон нельзя было ничем урезонить. Продолжая таскать отбивавшегося от нее мужа за бороду, она ответила глупо и грубо:

– Еще и вы тут с вашими рассуждениями! Очень они мне нужны! Да я и не знаю вас. Явился неведомо кто, неведомо откуда... С улицы первый встречный...

Фрикé побледнел как полотно. Он выпрямился, устремил на мегеру взгляд своих стальных глаз, загоревшихся особенным блеском, и глухо проговорил:

– Скажи это самое мужчина, плохо бы ему пришлось. Но вы женщина. Я вас прощаю.

Отставному жандарму удалось, наконец, избавить свою бороду от мучительных тисков. Он произнес с заведомым расчетом:

– Фрикé прав. Тебя спасает, во-первых, то, что ты женщина, во-вторых, то, что мы французы. Будь я турок, тебе бы голову отрубили за то, что ты посягнула на бороду твоего мужа: борода священна у мусульман.

– Негодяй! – взвизгнула madame Барбантон и, все более и более распаляясь ввиду спокойствия обоих мужчин, вдруг выбежала вон, хлопнув дверью.

– Да, Фрикé, милый мой товарищ! Я был гораздо счастливее у канаков. Тот день, когда нас в Австралии хотели насадить на вертел, я с нынешним не сравню. Тот день был гораздо приятнее.

– Действительно, характер вашей супруги сделался еще невыносимее. Был уксус, а теперь и вовсе эссенция.

– И так каждый день! Не то, так другое. Последнюю неделю она изводит меня, требуя, чтобы я разводил вино и водку разными составами. А я не желаю быть отравителем. Во всем

ей уступал, а в этом нет. И не уступлю ни за что. Скорее всю свою торговлю пошлю к черту. Ах, если б можно было поступить опять на службу!

– Кстати, я ведь зашел проститься.

– Вы уезжаете?

– Сегодня вечером и, вероятно, на целый год.

– Счастливцев!

– Вы сейчас хотели послать все к черту. Поезжайте со мной. Ведь меня приглашает monsieur Андре.



Вытянув вперед руку, она схватила его за седую бородку и стала дергать ее изо всех сил.

– Monsieur Андре? Тысяча канаков!

– Вы ведь знаете, как он вас любит. Поезжайте с нами, решено? Я увожу вас в Брест. Укладывайтесь, потом вместе позавтракаем, погуляем, как матросы на берегу, а вечером к восьми часам – на вокзал.

– Согласен, – энергично заявил Барбантон. – Через четверть часа я буду готов.

Четверти часа не понадобилось. Уже через десять минут отставной жандарм вышел из спальни с застегнутым чемоданом, под ремни которого был просунут какой-то длинный и твердый предмет в чехле из зеленой саржи.

Исцарапанное лицо Барбантона сияло.

Он прошел с Фрикé в лавку, где уже восседала за конторкой среди сигаретных ящиков госпожа Барбантон, успевшая прийти в себя после передряги.

– Вы часто выражали желание расстаться со мной, – сказал ей насмешливым тоном жандарм. – Желание это сегодня исполняется. Я уезжаю с Фрикé и оставляю вам все деньги, какие есть в доме, беру только двести пятьдесят франков – пенсию за крест. Можете получить развод через суд, я протестовать не буду. Мне все равно. Надеюсь, что за время моего отсутствия наши палаты вотируют⁶ за упрощенный развод. Счастливо оставаться, Элодия Лера. Прощайте!

– Скатертью дорога! – взвизгнула мегера, испытывая, однако, смутное беспокойство. Ей было не по себе в эту минуту, хотя она и старалась это скрыть.

– Спасибо, – ответил Барбантон.

Фрикé на протяжении всего диалога насвистывал – правда, довольно фальшиво, – подходящую к случаю легендарную арию господина Дюмолле...

В тот же вечер два друга на Сен-Лазарском вокзале сели в поезд, отходивший в Брест.

⁶ Проголосуют.

Глава V

Покупка корабля. – Шутка повешенного. – «Голубая Антилопа». – Экипаж яхты. – Ее снаряжение. – Последний день на суше. – Завтра! – Приход почтальона. – Ряд писем со вложением. – Свадьба. – Злоключения охотника за утками. – Кандидат в депутаты. – Пословицы!.. – Еще и еще! – Трус, но по крайней мере не лгун. – Нас только трое.

Два месяца прошли. Наступило 31 октября – срок, назначенный Андре Бреванном своим друзьям. На следующий день должна была тронуться в путь экспедиция, столь поспешно возникшая после неудачной охоты.

Андре добросовестно выполнил все свои обязательства. Благодаря своим необыкновенным организаторским способностям, неутомимой энергии и огромному состоянию, ему удалось в короткий срок запастись решительно всем нужным для задуманной экспедиции.

Ему везло с самого начала. Уславши Фрикё в Брест нанимать экипаж, Андре расположил свою главную квартиру в Гавре и снесся со всеми морскими агентствами во Франции и в Англии, в которых обыкновенно сосредоточены все сведения по части найма, постройки и покупки коммерческих кораблей. Так как он пообещал хорошие комиссионные тому агентству, которое найдет для него подходящее судно, то его уведомили уже, что в Брайтоне продается отличная яхта. Давая подробное описание судна, маклер не утаил и причин его продажи.

Строила яхту фирма Шау, Тернер и Бангэм в Ливерпуле два года тому назад по заказу одного богатого баронета, страдавшего сплином. Путешествий она проделала всего два: в Капскую землю и на Ближний Восток. Плавание по морю не спасло баронета от сплина; тогда от яхты он обратился к другому, также чисто английскому средству – к веревке, которая и избавила его от тягостного мизантропического существования на земле. Повесился он на рее своей яхты, в самый день ее возвращения из плавания на Брайтонский рейд, удаливши предварительно весь экипаж.

Идея чисто британская.

Случилось это за месяц до описываемых событий. Наследники очень обрадовались, а яхту тотчас же назначили на продажу.

Андре были чужды суеверия. В тот же день он взял в Диеппе место на пароходе до Ньюгэвена, из Ньюгэвена проехал по ближней дороге в Брайтон, поспешил на яхту, тщательно ее осмотрел, сторговался и тут же уплатил за нее наличными деньгами.

Наняв лоцмана с четырьмя матросами, чтобы довести яхту до Гавра, Андре исполнил нужные формальности, наскоро купил кое-какой провизии и поплыл обратно к нормандскому берегу. Через восемь часов он был уже в Гавре. За этот короткий переезд Андре убедился, что сделал удачную покупку.

«Увеселительная яхта». При этих словах читатель, вероятно, представляет что-то непрочное, несолидное, рассчитанное только на красоту и скорость, а не на прочность и силу. Вовсе нет. Это далеко не всегда так. Что же касается яхты, приобретенной Андре, то выстроена она особенно основательно. По виду она напоминала трехмачтовую шхуну с прямыми парусами на бизань-мачте и с косыми латинскими на гроте и на фоке. Длина кузова была пятьдесят метров, водоизмещение пятьсот сорок тонн. Машина была в семьдесят две условных лошадиных силы и позволяла яхте развивать скорость до десяти с половиной узлов. Угольные камеры вмещали в себе восемьдесят пять тонн угля при расходе около четырех тонн в день.

Из сохранившегося судового дневника следовало, что ходила яхта, в среднем, со скоростью восьми с половиной узлов, другими словами, делала от пятнадцати до шестнадцати миль в час.

Таким образом, купленная яхта была судном прочным и мощным, рассчитанная на плавание и в океанах, со всеми сопутствующими морскими опасностями.

Андре оставил за яхтой то имя, которое дал ей англичанин-меланхолик, хотя непосвященному оно не говорило ни о чем. Называлась она по-английски «Блю-Бок», что значит «Голубая Антилопа». Эта антилопа, по-ученому *antilope caeruloea*, водится в Южной Африке, на Капе, и как дичь очень ценится местными жителями. К судну, купленному для охотничьей экспедиции, такое название подходило как нельзя больше. Написано оно было голубыми буквами по золотому полю на доске, прибитой у кормы, а спереди яхты красовалось четкое изображение грациозного животного. При данных обстоятельствах это был очень подходящий символ.

Машина и оснастка яхты были в хорошем состоянии. Требовался лишь незначительный ремонт; и если бы не внутренние переделки для устройства семи новых спален для пассажиров, то новому судовладельцу не о чем было бы и заботиться. Не будучи моряком по профессии, Андре обладал довольно обширными познаниями в мореплавании. Он их приобрел во время своих морских путешествий. Другие пассажиры обыкновенно на корабле спят, едят, пьют, играют в карты, не зная, как убить время; Андре, напротив, пользовался каждой свободной минутой для того, чтобы изучать техническую и практическую стороны мореходства. Хотя он и не имел звания капитана, но на своей увеселительной яхте мог быть полным хозяином. К себе он взял в помощники опытного шкипера дальнего плавания, чтобы тот вел корабль указанным курсом, не вмешиваясь в главное руководство экспедицией. Еще недавно это было недопустимо и яхтой должен был управлять ответственный патентованный капитан, но незадолго перед тем вышло распоряжение, в котором для частных увеселительных яхт устанавливался целый ряд исключений из общего устава торгового мореплавания.

Фрикé выполнил порученное ему дело очень удачно и в полном соответствии с указаниями. Он подобрал образцовый экипаж из бретонцев-матросов, которые были в восторге, что поедут на таком корабле, где не будет товаров, с погрузкой и выгрузкой которых приходится обыкновенно возиться. Фрикé к назначенному дню привез их в Гавр и представил Андре Бреванну. Тот сейчас же допустил их на борт.

Новоприбывших моряков обуяла страсть к чистоте. Они принялись мыть, чистить и скрести корабль внутри и снаружи, от киля до верхушки мачт. Реи, паруса, канаты, все снасти были ими внимательно осмотрены и старательно исправлены, все пазы заново проконопачены; словом, яхта была отделана как бы заново.

Началась заготовка провизии. Угольные камеры и водоемы для пресной воды были заполнены так же, как кладовые и камбуз.

Так как яхте предстояло посетить места не совсем надежные, то Андре благоразумно заменил имевшиеся на ней две маленькие сигнальные пушечки одним настоящим артиллерийским орудием четырнадцатисантиметрового калибра на вращающемся станке. Большую паровую шлюпку вооружили картечью Норденфельда; такими картечными панцирные суда отбиваются от миноносок. Малайские острова так и кишат пиратами. Они легко могли соблазниться «Антилопой». Вооружиться на всякий случай было необходимо. Мудрая пословица гласит: «*Si vis pacem, para bellum*»⁷.

Незаметно прошло время среди этих хлопот. Андре был так уверен в своих друзьях, что даже не писал им более. Зачем? Подробное наставление им было своевременно послано,

⁷ Хочешь мира – готовься к войне (лат.).

они наверняка успели запастись всем необходимым. Андре не сомневался, что они явятся в срок.

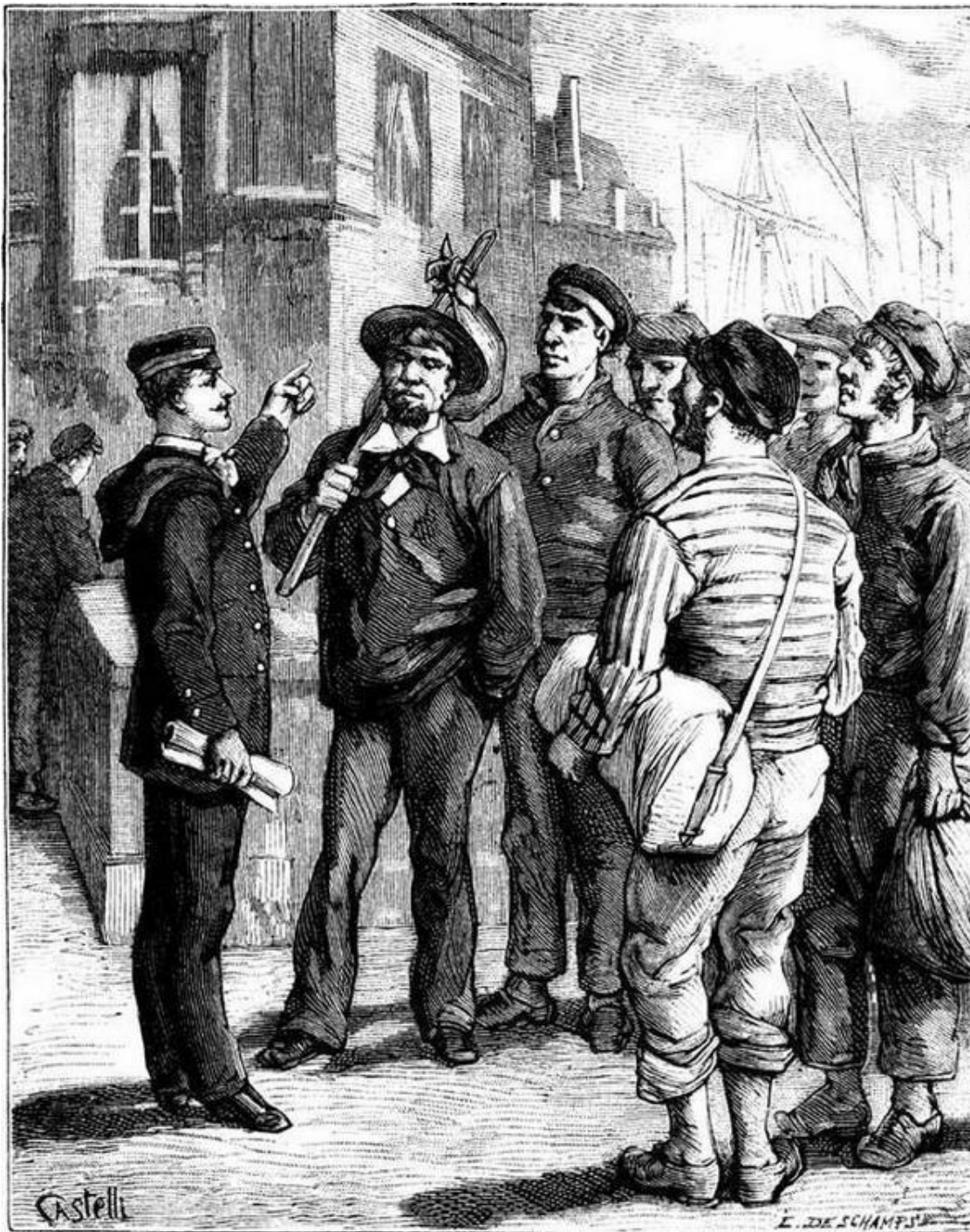
И вот срок наступил. Еще несколько часов – и яхта выйдет в море. В последний момент яхта приняла на борт и живность: баранов, свиней, кроликов, кур, уток, гусей, индюшек. Их разместили по стойлам и клеткам, и там они громко протестовали против насилия, кто как умел: блеяньем, хрюканьем, клохтаньем, кудахтаньем, покуда морская болезнь не заставила их поневоле замолчать.

Восемь часов утра. Завтра в этот час на яхте взовется флаг отплытия. Из трубы повалит дым. Все будет готово.

Андре встал с рассветом и наскоро проглотил чашку чая, просматривая бортовые бумаги. Он ждал почты. Последней почты перед отплытием. В дверь постучали. Вошел почтальон.

– Что это? Заказные письма? – удивился Андре.

– Несколько пакетов со вложением, – отвечал почтальон, доставая из сумки пачку пакетов и внимательно просматривая надписи на них. – Вот, извольте: всего – семь.



Фрикé подобрал образцовый экипаж.

– Странно! – прошептал Андре, расписываясь в получении. – Очень странно! Почтальону он щедро дал на чай, и тот ушел сияющий.

Пакеты лежали перед ним, тяжелые, толстые, каждый с пятью печатями. Андре смотрел на них с какой-то нерешительностью.

– Ясно, что от них. Неужели в последнюю минуту все струсили? Вот будет комедия. Ну, посмотрим.

Он распечатал первый попавшийся под руку пакет. В нем оказались банковские билеты – целая пачка – и коротенькая записка:

«Милый друг!

Человек предполагает, а случай располагает. Два месяца назад я был свободен. Теперь нет.

Через две недели моя свадьба. Комментарии излишни. Только это одно и мешает мне поехать с вами. Надеюсь, причина уважительная.

Впрочем, у Вас и без меня достаточно приятная компания, так что Вы и не ощутите моего отсутствия. Потерял лишь я один.

Сердечно преданный Вам А. Д.»

«Р. S. Из-за меня Вы все-таки вошли в лишние расходы. Считаю своим долгом возместить свою долю издержек. Прилагаю двенадцать тысяч франков. Довольно ли этого?»

Андре расхохотался.

– Так! Вот он женится и потому не едет, а Барбантон уезжает, чтобы расстаться с женой. Одно другого стоит. Ну-ка, что еще мне пишут.

«Милый друг!

Я очень люблю охоту на уток – и поплатился за это. Прошлой зимой я чересчур много бродил по болотам и схватил острый ревматизм злейшей формы, так что лежу теперь в постели и едва ли скоро встану. Это обстоятельство исключает для меня всякую возможность ехать с Вами. Если бы меня можно было провезти по железной дороге до Гавра, я бы приехал к Вам, несмотря ни на что. Но я сейчас без рук и без ног и не могу двинуться. Итак, поезжайте без меня, а я Вам желаю счастливого пути. Прилагаю двенадцать тысяч франков, исчисляя этой суммой мою долю в сделанных Вами расходах. Если нужно больше – уведоьте. Я вышлю.

Не забывайте меня и знайте, что я рвусь к Вам всей душой.

Г. Б.»

– Утки придуманы довольно удачно, – рассмеялся Андре. – Будем читать дальше. Очень интересная сегодня почта. Фрикé останется доволен. Он охотник посмеяться.

«Мой милый Андре!

Faute d'un moine...⁸ Вы знаете эту пословицу? Так вот, не сердитесь, что нарушаю слово: ей-богу, не виноват. Обанкротились две фирмы, с которыми у меня дела. Я теряю половину моего состояния. Усиленно хлопочу, чтобы спасти и упрочить оставшуюся половину и потому никак не могу уехать из Парижа: мое присутствие там необходимо. Вы уяснили себе, надеюсь, полную невозможность для меня поехать с Вами. Передайте мои извинения нашим общим друзьям и верьте моему всегдашнему искреннему расположению.

Ваш Э. Л.»

«Р. S. Довольно ли будет двенадцати тысяч франков для покрытия моей доли издержек?»

– Бедненький! Наполовину разорен! – опять засмеялся Андре. – Но ведь путешествие дало бы ему прекрасный случай сэкономить. Пойдем дальше. Как! Опять начинается пословицей?

«Дорогой друг!

⁸ Семеро одного не ждут (*фр.*).

Fais ce que dois, advienne que pourra...⁹ Я знаю, что упускаю единственный случай, но ехать с Вами не могу. Того, что после нашего расставания произошло, я никак не предвидел. Судите сами: депутат от моего округа неожиданно умер, и избирательные комитеты выставили мою кандидатуру. Меня принуждают. Я и сам не рад. Уступаю насилию. Грустно, что не увижу вместе со всеми вами тропические моря и земли, но что делать?.. Я себе уже не принадлежу.

Прилагаю несколько банковских билетов для покрытия моей доли расходов.

Преданный Вам А. Л.»

Андре пожал плечами и не удержался, чтобы не сказать: «Дурак!»

Пятое письмо, со вложением сакраментальной суммы в двенадцать тысяч франков, тоже начиналось пословицей:

«Лбом стену не прошибешь. Не правда ли, дорогой Андре? Не судите меня чересчур сурово, если я не явлюсь к месту сбора. Причина ужасная и в то же время секретная. Я никак не могу!.. Не спрашивайте больше ни о чем.
Ж. Т.»

– И не подумаю спрашивать. Очень нужно! Замечу только, что мой друг Ж. Т. даже «утки» не в силах был выдумать... Ничего, для коллекции сойдет и это.

Андре распечатал шестое письмо.

– Они задушили меня пословицами! – вскричал он. Действительно, автор начал свое письмо так:

«Правда не всегда выглядит правдоподобно. Дорогой Андре, когда я уговаривался с Вами насчет путешествия, я совершенно забыл, что мне в будущем марте нужно явиться на двухнедельный сбор запасных. Это глупо, но факт. И отсрочки нельзя попросить: мне уже давали ее в прошлом году.

Вы не можете себе представить, как мне досадно и обидно упустить такой исключительный случай для необычайного путешествия, но что же делать? Приходится выбирать между дезертирством у Вас и дезертирством на военной службе. Военное начальство у нас не шутит, поэтому выбираю первое. Поверьте мне – я искренне огорчен.

Преданный Вам Ж. Б.»

– Час от часу не легче... Посмотрим, какую пословицу подобрал седьмой и последний.

«Дорогой Андре!

Есть русская пословица: „Не хвались, идучи на рать...“ Да, я чувствую, что слишком много на себя взял в то утро. За завтраком у Вас в усадьбе, после выпитых бургонских вин, белых и красных, я был очень храбр, даже чересчур храбр, а потом опомнился и много раз бранил себя за излишнюю пылкость. До последней минуты я не решался Вам писать, все надеялся, не вернется ли ко мне мой героический запал. Но он не вернулся. Нет, дорогой Андре, я не создан для путешествий. Со стыдом сознаюсь, что бюргерское прозябание мне больше по душе, чем все Ваши приключения. Я люблю основательно поесть, выпить, поспать и при этом как можно меньше поработать. Излишнее волнение дурно сказывается на моем желудке, а чрезмерная усталость вызывает у меня бессонницу. Таков не я один, таково

⁹ Цель оправдывает средства (*фр.*).

громадное большинство, но только другие не решаются сознаться открыто, а я признаюсь. Оцените же мою откровенность и, когда отправитесь в свое интересное путешествие, не поминайте меня лихом. Я же предпочитаю путешествовать... при помощи книг.

Вы поедете не один, а с нашими друзьями... если и их в последнюю минуту тоже не покинет храбрость, как покинула меня. В этом, по-моему, не будет ничего неожиданного; меня удивит скорее обратное.

Позвольте мне вознаградить Вас двенадцатью тысячами Франков за понесенные расходы и засвидетельствовать Вам мою искреннюю симпатию. Я тоже путешественник, но только комнатный. Я Вами восхищаюсь, но не намерен Вам следовать.

Ф. А.»

– По-моему, так гораздо лучше. Этот, по крайней мере, хоть не врет.

Вошел Фрикé.

– Вот возьми и прочти, – сказал Андре, указывая на пачку писем.

– Это что? От наших будущих спутников?

– У нас нет никаких спутников. Нас только трое.

– Не может быть! Неужели все сдрейфили?

– Вот именно так, как ты говоришь.

– Когда же мы едем?

– Завтра непременно. Мы ничем не связаны и всем обеспечены, мы можем смело идти вперед без всякого позерства и бахвальства, твердо и непоколебимо.

– Я даже рад, что с нами нет лишнего народа, и да здравствуют приключения! Вперед – без страха и сомнений! Мы люди закаленные, а на нашем корабле осталась веревка повешенного. Это залог удачи. Я уверен в успехе!

Глава VI

Как познакомились между собой трое наших путешественников. – Героизм парижского гамена. – Жертвы собственного благородства. В плену у людоедов. – Канонизация жандарма. – Воин, бывший у дикарей божеством, может быть очень несчастным в супружестве. – Приключения парижского гамена в Австралии. – Возвращение в Париж. – Фрикé бросает все и едет с Андре. – Слишком много комфорта. – Последнее слово о дезертирах. – Современное вооружение охотника.

На другой день, пользуясь утренним отливом, «Голубая Антилопа» вышла в море.

Она шла неведомо куда и увозила трех путешественников. Пора, однако, прояснить читателю, каким образом познакомились они между собою, а то читатель уже наверняка удивляется: с чего могла появиться между ними близкая дружба. Действительно: миллионер Андре Бреванн, парижский гамен Виктор Гюйон и отставной жандармский унтер Филибер Барбантон... Союз довольно странный.

В одном из своих романов¹⁰ я уже описывал, как Фрикé пустился в кругосветное путешествие, не имея на то никаких средств, кроме железного здоровья, молодости, силы и смелости. Вот во время этого путешествия и сблизились между собой эти трое.

Андре в то время управлял в Аданлинанланго, в Экваториальной Африке, большой факторией своего дяди, богатого гаврского арматора¹¹. Однажды он возвращался из поездки во Францию и ехал в казенной паровой шлюпке по реке Огуз, на берегу которой находилась фактория. Шлюпка была выслана на поиски военно-морского врача, которого выкрали прибрежные дикари, людоеды из племени осиебов. Они напали на шлюпку и овладели бы ею непременно, если бы не одно неожиданное обстоятельство.

Экипаж шлюпки уже готов был ринуться на пироги дикарей и прорвать их линию, как вдруг винт его запутался в лианах и перестал действовать. Французам грозила гибель. Вдруг молоденький кочегар выскакивает из лодки и ныряет несколько раз в воду, стараясь высвободить винт, – и это ему удается. С лодки тем временем поддерживают адский ружейный огонь, чтобы удержать дикарей на почтительном расстоянии.

Наконец шлюпка может плыть дальше. Кочегару кидают канат, чтобы помочь взобраться на борт. Но в эту минуту осколок пироги, разбитой картечью, попадает ему в голову и тяжело ранит. Кочегар идет ко дну.

Тогда Андре прыгает в воду и бросается юноше на помощь... К несчастью, шлюпка в это время делала поворот. Ее подхватило быстрым течением и отнесло далеко от обоих тонущих.

Они плывут к берегу. Доплывают и попадают в плен к людоедам.

Кочегар был не кто иной, как Фрикé, совершавший свое кругосветное путешествие. Таким-то образом он и познакомился с Андре – в африканской реке, между пастями крокодилов и челюстями людоедов. Немудрено, что знакомство сразу же переросло в очень близкое.

Нужно ли вновь описывать, как они жили в плену у людоедов, как их там откармливали, чтобы потом съесть; рассказывать об их побеге и о том, что им довелось испытать в африканской пустыне? Нужно ли повторять о том, что Фрикé, расставшись с Андре, угодил в лапы пиратов, которые увезли его в Аргентину, что он опять бежал и на этот раз попал в

¹⁰ Имеется в виду роман «Путешествие парижанина вокруг света».

¹¹ Судовладельца.

плен к краснокожим, вновь спасся, самым оригинальным способом пересек Кордильеры и, наконец, воссоединился с друзьями в Вальпараисо.

Вместе пустились они в плавание через океан и на австралийском берегу снова угодили к людоедам. Их уже собирались насадить на вертел, изжарить и съесть под гарниром из овощей, как вдруг раздался властный окрик:

– Стой!.. Именем закона!..

Появилась высокая фигура в полной жандармской форме; а так как все это происходило вечером, то неясный свет костра придавал ей колоссальные размеры.

То был Онезим-Филибер Барбантон, служивший в Новой Каледонии жандармом, вышедший в отставку и на пути во Францию потерпевший кораблекрушение.

Итак, Барбантон выхватил саблю и объявил остолбеневшим дикарям о том, что в случае неповиновения разгонит «незаконное сборище» силой. Запнувшись обо что-то впопыхах, он упал, тотчас же вскочил и поднял свалившуюся с головы треуголку. Надевая ее опять, он сделал воинственный жест и повторил:

– Ну же, расходитесь, а не то плохо вам будет!

Дикарям, не понимавшим по-французски, послышалось, будто высокий человек произнес слово «табу». Решив, что он наложил «табу» на свою шляпу, они разом пали все ниц, подобострастно восклицая: «Табу! Табу!»

Статус священности и неприкосновенности переходил со шляпы на ее владельца, и в глазах дикарей он таким образом превращался в божество. Так, благодаря Барбантону, чудом спаслись Андре и Фрикё. Разумеется, они подружились.

Вернувшись на родину, отставной жандарм снял военную форму и открыл в Париже табачную лавочку, получив на нее права от казначейства в качестве награды за долгую службу в придачу к пенсии.

Увы! Барбантон, достаточно поломавший косточки на трудной службе в колонии, не обрел и на родине желанного покоя.

Мы уже видели, как его жена, урожденная Элодия Лера́, превратила его домашний очаг в преисподнюю. Постоянная, утонченная и злобная тирания измучила бравого жандармского унтера до такой степени, что он с сожалением вспоминал время, когда находился в обществе людоедов-канаков.



Дикари разом пали все ниц, подобострастно восклицая: «Табу! Табу!»

Тем временем Андре и Фрикé вновь отправились в путешествия, на этот раз по Океании¹². Цель — учреждение большого торгово-земледельческого предприятия на Суматре, обещавшего огромные барыши. Но обстоятельства сложились чересчур неблагоприятно. Им пришлось уехать с Суматры, после чего они пережили целый ряд удивительных приключений, в результате которых парижскому гамену Фрикé довелось даже двадцать четыре часа побыть в роли султана Борнео.

¹² Имеется в виду роман «Под Южным Крестом».

Вернулись они домой ни с чем, обогатившись лишь надеждами на лучшее будущее и приобретенным опытом.

Тут подоспело громадное состояние, доставшееся Андре Бреванну после смерти дяди-миллионера. Первым делом наследника было устроить Фрикé, оградив его от материальной нужды. Но Фрикé не пошел ни на какие уговоры, как ни старался щадить его самолюбие Андре Бреванн. Он не желал «примазываться к чужому богатству», решив зарабатывать на жизнь сам.

– В таком случае возьми у меня хоть займы для начала. Потом отдашь, когда станешь на ноги. Процент я не спрошу, – предложил Андре.

На это Фрикé согласился. Принявшись за пополнение своего скудного образования, он в то же время занялся слесарно-механической работой, в которой был очень искусен. У Фрикé был положительно талант изобретателя. Терпеливый, как бенедиктинец, упорный в работе, трезвенник, почти аскет в быту, он обладал необыкновенной подвижностью и ловкостью в руках. За какой-то год он изобрел или усовершенствовал целый ряд инструментов, наиболее используемых в промышленности, между прочим, аппарат для штамповки металлических пуговиц и многое другое в этом роде. К нему в карман потекли деньжонки, да так, что он и сам удивился. Правда, ему одному ни за что бы не суметь воспользоваться своими патентами, но за этим делом внимательно следил Андре и делал частые публикации в газетах.

Теперь Фрикé изобретал аппарат для промывки золота! За него он мог получить целое состояние, но бросил все и даже свой любимый Париж, по первому зову «мсье Андре», как он звал своего земного бога. Бросил, без колебаний, даже не поинтересовавшись куда ехать, по какому делу и надолго ли. Только распорядился обеспечить свою экономку!

– Чем же мне сейчас плохо? – рассуждал молодой парижанин. – Путешествуем мы по-царски. Яхта отделана, как дворец, спальня моя – точно будуар светской женщины! столуемся не хуже, чем в Cafe-Anglais. Едем, куда хотим и делаем только то, что по душе, а можем вовсе ничего не делать. Я нахожу, что у нас тут уж слишком много комфорта, и это меня даже пугает.

– Напротив, – возразил Барбантон, – я полагаю, что нет такого комфорта, которого мы трое не были бы достойны, вы, как бывший султан острова Борнео; я, как состоявший одно время в ранге божества у людоедов, и, наконец, monsieur Андре, как человек, достойный быть где и кем угодно, хотя бы даже и императором. Зато вот эти господа, обманувшие нашего патрона... не знаю, как их и назвать...

– Жалкие люди, одно слово, – отозвался Фрикé.

Фрикé был прав. Действительно, кем нужно быть, чтобы с легким сердцем отказаться от такого увлекательного путешествия, упустить такой необыкновенный случай? Мы говорим: «с легким сердцем», потому что надуманность всех предлогов, как попало приправленных пословицами, была очевидна. Каждый думал, что изменяет он один, а прочие едут, и потому норовил сделать так, чтобы письмо от него пришло перед самым отъездом. Кто же мог предвидеть, что все, как на подбор, окажутся трусами?

Но довольно. Бог с ними. Мы и упомянули-то о них сейчас только потому, что избыток комфорта на яхте получился благодаря им же. Для них была завезена эта роскошная обстановка и запасена изысканная провизия в излишнем количестве. Все это теперь оказалось ненужным для троих закаленных путешественников.

Андре рассчитывал на десять пассажиров, из которых семеро изнежены, избалованы столичными удобствами. Руководствуясь этим, он и действовал. Не его вина, что предполагаемые потребители увильнули от путешествия.

Несмотря на то, что, по уговору, каждый должен был запастись оружием сам, на яхте было очень много оружия, и притом новейших образцов. Андре знал по опыту, что подобный

запас необходим не только для охоты, но и для безопасности путешественников. Поэтому он, еще до отъезда в Гавр, отправился к оружейнику Гинару, и после долгого с ним совещания было решено, что каждый охотник получит, во-первых, по винтовке Гринера калибра 8 с тройным замком и двойным стволом, длиной в пятьдесят сантиметров; во-вторых, по обыкновенной двустволке того же калибра, с гладкими стволами, длиной в семьдесят семь сантиметров, для стрельбы в птиц на лету; в-третьих, по винтовке «Экспресс» калибра 11¼, с которой охотник не должен расставаться ни при каких обстоятельствах.

Все ружья были не дальнобойные, а для стрельбы на близкое расстояние. Оно и понятно: с дальнего расстояния охотник никогда не стреляет по дичи, какая бы она ни была. Винтовка «Экспресс» предназначалась для защиты от крупных хищников, несмотря на ее малый калибр, потому что пуля, пущенная из нее, приобретает громадную начальную скорость и пробивает даже шкуры таких зверей, как тапир¹³, медведь, тигр.

Наконец, охотникам полагалось иметь по ружью калибра 16 для охоты на мелких животных и птиц и американскому револьверу калибра 11¼ для самозащиты.

Все это оружие было сделано на заказ у Гинара и сдано им в срок с обычной аккуратностью. Патронные ящики, футляры для ружей, все до мельчайших деталей было также изготовлено этой замечательной фирмой. Заказ был отослан на яхту вместе со специальным вооружением для матросов, состоявшим из скорострельных винтовок Винчестера.

Фрикé и Барбантон, собственно говоря, не были настоящими охотниками. Конечно, в случае встречи с дикими зверями они оба сумели бы постоять за себя, но охотничьей искры не было ни в одном из них. Поэтому было заранее условлено, что держаться всегда они будут около Андре в качестве его помощников, а не самостоятельных охотников. Мы уже были свидетелями начала их подвигов на западном берегу Африки, в лесах Сьерра-Леоне. Андре оставил яхту в виду Фритауна, а сам с друзьями отправился в страну горилл, где и произошла у них неожиданная встреча с госпожой Барбантон, так удачно спасенной ее мужем от смертоносных объятий богатыря из обезьяньей породы.

¹³ Животное из отряда непарнокопытных, с небольшим хоботом.

Глава VII

Кошмар наяву. – «Какая это прелесть – благовоспитанный человек!» – «Сельская местность». – «Что вы делали тут на дереве?» – «Я вас искала». – В путь. – Два гимна: «God save the Queen»¹⁴ и «Барбантон-Табу». – Путешественница. – Перед Фритауном. – Лотерейный билет. – Счастливый номер. – 300 тысяч франков. – Выигрыш не выдают! – По следам трех товарищей. – За подписью. – Желтая лихорадка. – Все на яхте. – Катастрофа.

Бывают потрясения, которые не под силу даже самым крепким нервам. Именно такое потрясение испытал наш отставной жандарм, когда, подстрелив гориллу, узнал в спасенной им женщине госпожу Барбантон, урожденную Лера.

В сознании у него все перепуталось; мысли закружились вихрем, понеслись в какой-то дикой пляске, и для их выражения не находилось подходящих слов.

Потом явилась первая реакция; Барбантон разразился нервным хохотом.

– Ха-ха-ха!.. Вот забавно-то! Мне приснилась моя любезнейшая супруга!.. Ведь это, разумеется, все сон, monsieur Андре?.. Не так ли, Фрикé?.. Что вы оба на меня так странно смотрите?.. Или со мной случился солнечный удар?.. Кошмар какой-то... Послушайте, ущипните меня, кольните чем-то острым. Фрикé, ударьте меня, наконец, хорошенько кулаком. Разбудите меня, я не желаю спать... Не хотите? Ну тогда я сам.

Барбантон достал свою зажигалку для сигар и трубки, состоящую из огнива и фитиля, высек огонь, зажег фитиль и приложил к руке. Боль. Он вскрикнул.

– Значит, я не сплю. Миллион чертей! Это действительно она. Какое несчастье!

Андре не слушал Барбантона, он ухаживал в это время за несчастной женщиной, которая только чудом осталась в живых. С ней случился нервный шок; она едва дышала и делала нечеловеческие усилия, чтобы выговорить хоть несколько слов.

Наконец Андре удалось привести ее в чувство. Едва внятно поблагодарив, она хотела встать, но Андре удержал ее.

– Ради Бога, молчите и лежите. Вам необходим абсолютный покой. Сейчас мы вам соорудим носилки, и наши негры вас понесут.

– Нет, зачем же, я вовсе не желаю причинять вам так много хлопот. – Голос ее успел окрепнуть. – Я, ни с кем не посоветовавшись, пустилась в путь, вот и расплачиваюсь теперь... Ничего, я пойду сама. Я одна виновата и не имею права причинять хлопоты другим.

– Если я вам это позволю, то преступлю все законы человеколюбия. Повторяю, мои негры донесут вас до Фритауна.

– Ну, хорошо, я согласна, только с одним условием.

– Вот так-так! – прогудел жандарм на ухо парижанину. – Она же еще и условия ставит!

– Тс!.. Молчи, не бойся. Наш патрон очень учтивый человек, но вертеть собой никому не даст.

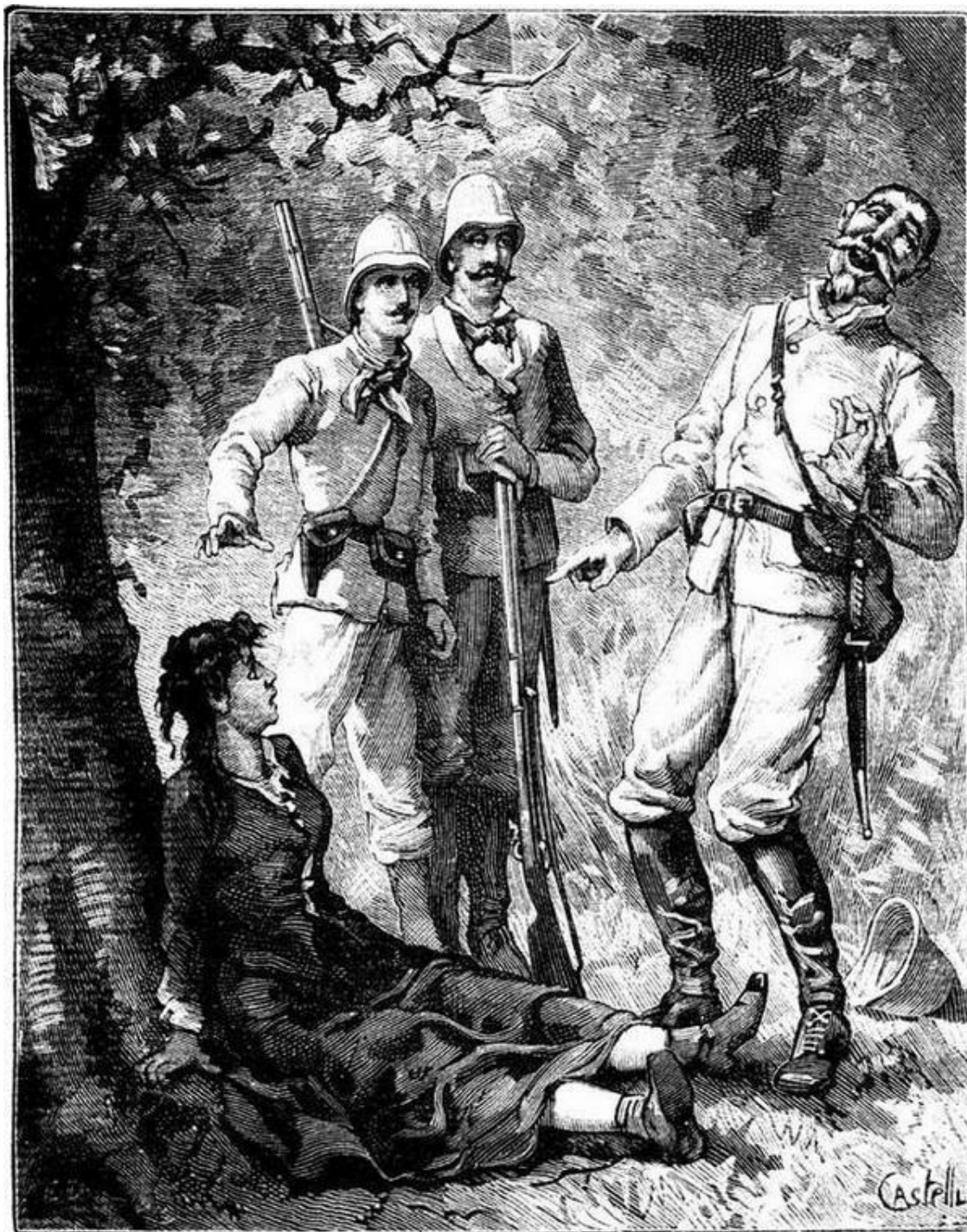
– Сударыня, я сделаю для вас все, что только могу, – отвечал Андре. – Говорите же, чего вы желаете.

– Я попрошу вас сходить со мной во французское консульство.

– К вашим услугам.

– Ах, какая это прелесть – благовоспитанный человек! – мысленно воскликнул Фрикé.

¹⁴ Боже, спаси Короля (англ.).



– Ха-ха-ха!.. Вот забавно-то Мне приснилась моя любезнейшая супруга!..

– И пусть бы с вами пошел monsieur Виктор Гюйон, а также и... мой муж.

– Я не могу им этого приказать как начальник экспедиции, но могу попросить об этом как друг... Что вы скажете, Фрикé? И вы, Барбантон?

– Я охотно провожу вас, сударыня, – отвечал парижанин, – хотя бы для того, чтобы обезопасить вас от какого-нибудь нового приключения.

Жандарм тем временем разинул рот, но не смог произнести ни слова.

– Гм!.. Кхе!.. Кхе!.. – только и вылетало из его уст, что было не совсем благозвучно и вразумительно.

– Благодарю вас, monsieur Гюйон, – продолжала дама. – В прошлый раз, перед вашим отъездом, я была с вами довольно груба...

– Пожалуйста, не будем об этом говорить...

– Напротив, сударыня, об этом-то мы и будем говорить – и ни о чем больше! – загремел вдруг командирский голос жандарма. – Черт бы вас побрал! Это очень мило – оскорбить до последней степени и потом к нам же сюда и нагрянуть, в эту сельскую местность, смущать наш покой!..

– Сельская местность!.. Ах, как это удачно сказано! – не удержался и заметил вполголоса Фрикé.

– Наконец, позвольте вас спросить: что вы тут делали на дереве, вместо того чтобы сидеть у себя дома?

– Я вас искала, – кротко ответила героиня драки в табачной лавке на улице Лафайет.

Ответ и тон, которым он были произнесены, выбили старого солдата из седла.

– Что касается лавки, то вы не беспокойтесь: я оставила ее на попечение вполне благонадежного человека.

– Очень мне нужна ваша лавка! – возразил старый солдат с неподражаемым презрением. – Я туда не вернусь, можете делать с ней что хотите. Но зачем же вы меня отыскивали? За каким чертом я вам понадобился настолько, что вы даже не побоялись совершить варварское нашествие на здешние земли?

– Мне нужна ваша подпись... у консула и при двух свидетелях.

– Для чего подпись?

– Довольно, Барбантон, – ласково, но твердо вмешался Андре. – Теперь не время обсуждать все это Madame Барбантон нужен покой. Не тревожьте ее, не волнуйте.

– Ладно, monsieur Андре. Повинуюсь. Куда вы пойдете, туда и я.

– Спасибо, дорогой друг.

Тем временем негры соорудили из палок и кольев, с помощью лиан, носилки и мягко устлали дно ветками и листьями. Несмотря на проявленную энергию, путешественница так ослабла, что едва могла усесться без посторонней помощи.

Андре распорядился устроить над ней нечто вроде балдахина из листьев, чтобы укрыть от солнца во время переходов по лесным полянам.

Отряд выступил в путь.

Фрикé и Барбантон с одним из негров остались сдирать шкуру с гориллы, потому что Андре пожелал сохранить ее как трофей. Операцию эту они совершили очень быстро и уже к вечеру догнали отряд, когда тот только что сделал привал для ночлега.

– И никакого-то у нее ко мне человеческого чувства нет, – жаловался дорогой Барбантон. – Ехала в такую даль – из-за чего? Из-за моей подписи!.. Ей моя подпись нужна... Ладно. Мы еще увидим.

– Ничего мы, дружище, не увидим. Вы храбрец, вы молодчина, вы даже что-то вроде монарха у дикарей, которые вас называют «Барбантон-Табу» и чтут, как идола. Но тут вы уступите, я это знаю наперед.

– Увидим! Увидим! Даю честное слово. Слово Барбантона!

– Я знаю, что слово Барбантона крепко. Но и женщина, сыгравшая такую штуку, тоже человек не слабый. Вы должны это признать.

Фрикé был совершенно прав на этот раз. После подобной передрыги другая чувствовала бы себя совершенно разбитой, но не madame Барбантон. Несмотря на пятичасовую тряску в неудобных носилках, она преспокойно сидела под деревом и, как ни в чем не бывало, с аппетитом уписывала холодное мясо с бананом вместо хлеба.

Организм для всего этого нужно было иметь очень сильный и энергию недюжинную.

Госпоже Барбантон было тридцать пять лет, но она казалась моложе, потому что, благодаря своей полноте, не имела морщин. Физиономия ее на первый взгляд казалась невзрачной, но и не производила отталкивающего впечатления, так как имела довольно спокойное выражение. При внимательном же разглядывании она сильно проигрывала.

Кожа у нее была не свежая, сероватого оттенка, впрочем тонкая, негрубая. Маленькие глазки, неопределенного, какого-то изжелта-каштанового цвета, имели странное и не особенно приятное выражение. Стиснутый у висков лоб в профиль был недурен, но en face непомерно узок. Нос напоминал и утиный клюв, и морду какой-то змеи. Прибавьте к этому крепкие, хищные челюсти с острыми редкими зубами, тонкие бесцветные губы и заостренный подбородок. В общем, черты были неправильные, но и не безобразные. Что-то кошачье проскальзывало в самой форме головы. Словом, при пристальном изучении впечатление создавалось скорее отталкивающее.

Прибавьте к этому высокий рост, широкие плечи, пухлую грудь, большие, но хорошей формы руки, довольно полные, с заостренными пальцами и ямочками на суставах. Барбантон по опыту знал, что эти руки обладают значительной силой, хотя бы и для бокса...

Такова была эта женщина – сдержанная, не болтливая, не увлекающаяся. Энергии в ней было через край, владела она собою прекрасно. Говорить не любила и, по-видимому, не особенно умела, но все время о чем-то, казалось, упорно думала.

Для нее устроили из ветвей шалаш, и она отправилась на ночлег, сделавши всем общий легкий поклон. Мужчины поправили костры, подвесили свои гамаки и тоже легли спать, под охраной часовых.

Весь следующий день, как и часть последующего за ним прошли среди усиленных трудов: ведь приходилось идти девственным лесом, а это не шутка. Но госпожа Барбантон ни на что не жаловалась и не теряла своей удивительной энергии.

Наконец прибыли в Фритаун, главный город английских владений на западном берегу Африки. Город довольно важный по своему положению и многолюдный, но нездоровый до последней степени. При самом входе в предместье Кисси-Стрит, где живут почти одни туземцы, путешественница попросила Андре остановиться. Она подозвала того англичанина, который провожал ее по девственному лесу и потом как-то странно стушевался после смерти гориллы, заплатила ему деньги и отпустила вместе с неграми. Покончив с этим, она обратилась к Андре:

– Я рассчиталась с моим проводником. Это торговец слоновой костью. Мне его рекомендовал наш консул, чтобы разыскивать вас. Теперь не угодно ли узнать о цели моего приезда?

– Сударыня, я к вашим услугам, – раскланялся Андре.

Все уселись под большим манговым деревом и приготовились слушать. Дерево росло на холме, с которого виден был весь город.

– Странные случаи бывают в жизни, – начала дама. – Представьте себе: не прошло и месяца после... по... после отъезда моего мужа...

– Так и говорите: после побега, – перебил своим басом старый солдат. – Я, действительно, от вас сбежал.

– Побег так побег. Я из-за слов не спорю.

– Зато спорите из-за другого.

– Позвольте вы мне говорить или нет?

– Позволения просит!.. Первый раз в жизни!.. Ну, хорошо, позволяю.

– Так вот, вскоре после того я увидела, что мой билет на большую лотерею в пользу «Общества поощрения искусств и ремесел» выиграл триста тысяч франков.

– Так что же вы? Получили бы выигрыш, поместили бы денежки процентов под пять и зажили бы припеваючи... О чем еще тут рассуждать?

– Я так и хотела сделать, – продолжала рассказчица в легком замешательстве. – И тогда же предъявила билет лотерейному комитету.

– И получили выигрыш?

– Нет, не получила.

– Значит, билет не годился?.. Мне вас жаль.

– Билет годился и годится, номер выиграл действительно, но комитет потребовал, чтобы мой муж явился сам или прислал оформленную доверенность.

Старый солдат залился громким смехом. Фрикé прикусил себе губы. Андре призвал на помощь всю свою джентльменскую выдержку – и даже не улыбнулся.

Рассказчица продолжала как ни в чем не бывало:

– Я доказывала, что мой муж в безвестной отлучке, представила почтенных свидетелей, бумагу от мэра... Напрасно. Закон – ничего нельзя поделать. Комитет передал деньги на хранение в банк депозитивов¹⁵. Не зная, где мой муж и скоро ли он вернется, я решила немедленно приступить к розыскам. Обратилась в одно справочное агентство. С меня спросили пятьсот франков за то, чтобы в десять дней собрать о вас все сведения. Я предложила вдвое больше и через шесть дней знала о вас все вплоть до вашего отплытия из Гавра. Это было много, но еще недостаточно. Куда направился ваш корабль? Агентство осталось довольно моей щедростью и потому старалось изо всех сил. Оно разослало телеграммы во все порты Англии и Франции, куда только заходят почтовые пароходы, и вскоре из Сенегала было получено уведомление, что ваша яхта пришла в Дакар. Так как вы намеревались охотиться, то было ясно, что от берегов далеко удаляться вы не будете и что яхта по пути будет заходить в разные порты. Все это мне объяснили агенты и сказали, что если, не теряя времени, на первом отходящем английском пароходе выехать сейчас же по вашим следам, то вас можно будет скоро догнать. Я немедленно приняла решение. Поручив торговлю приказчику, забрав все деньги, какими я могла располагать, я немедленно пустилась в путь, хотя агенты советовали мне послать кого-нибудь вместо себя. Но я нахожу, что в таких делах несравненно полезнее действовать самой. Таким образом я прибыла на почтовом пароходе в Сьерра-Леоне, где и догнала вашу яхту «Голубая Антилопа». Я на нее тотчас же прибыла... Вас не оказалось! Капитан предлагал мне подождать вашего возвращения. Я предпочла пуститься за вами вдогонку. Капитан любезно дал мне в провозные того матроса, который погиб, защищая меня. С яхты я вернулась к французскому консульскому агенту, который долго убеждал меня не ездить за вами, но, когда увидел, что я твердо стою на своем, рекомендовал мне в проводники торговца слоновой костью... того самого англичанина, которого я только что отпустила. Он взялся навести меня на ваш след и сделал это. Остальное вы знаете.

– И вы не побоялись? – удивился Андре.

– Нет. Только, когда меня схватила обезьяна, я очень беспокоилась, как бы не потерялся мой билет. Но он у меня спрятан отлично. Вот!

Она вынула из-за корсажа большой золотой медальон на желтой шейной цепочке, достала из него билет и подала мужу.

Барбантон развернул и машинально прочитал:

– 2421! Как раз мой метрический номер! Неужели это судьба?.. Сударыня, берите ваш билет обратно. Поздравляю вас... Однако вы молодец женщина: приплыть из Франции в Африку только для того, чтобы получить от меня доверенность! Ну-ну!..

– И вы, конечно, мне ее дадите? Ведь это так просто. Андре и monsieur Фрикé подпишутся свидетелями, и на первом же пароходе я уеду обратно.

– Это я еще посмотрю, сударыня. Надобно подумать.

¹⁵ Банк для хранения денежных сумм или ценных бумаг.

Сказано это было таким язвительным тоном, какого за Барбантоном еще не знали его товарищи.

– Так как мы состоим в браке и у нас с вами общее имущество, то вы, разумеется, получите половину выигрыша, конечно, за вычетом сделанных мной на поездку сюда расходов.

Старый служака быстро выпрямился, словно к нему подползла какая-нибудь гадина. Он сперва побагровел, потом весь побледнел.

– Мне предлагают деньги!.. – прорычал он сдавленным голосом. – Да за кого же вы меня принимаете? Вы меня мучили, высмеивали, били, царапали, но вы меня прежде не оскорбляли.

– Не понимаю вас. Ведь у нас общее имущество. Тогда как же...

– Очень мне нужно это имущество. Свести в вас нет, вот что скверно... Довольно. Я сперва хотел только подразнить вас немного в отместку за все ваши пакости, а потом и уступил бы, пожалуй. Но теперь – нет. Слуга покорный! Раз вы думаете, что меня можно купить за деньги, так не будет вам ничего. Я не дам доверенности. Слышите? Не дам, не дам и не дам.

Вмешался Андре, вступился Фрикé. Старый унтер был неумолим.

Видя, что спор ни к чему не ведет, Андре велел продолжать путь. Барбантон мог еще и передумать: он ведь был отходчив.

Когда отряд миновал предместье, путешественники вдруг увидели над городской больницей и над казармами по громадному желтому флагу. В то же время к ним подошел негр-полисмен и объявил, что в городе желтая лихорадка.

Эта болезнь смертельна для европейцев. И часу не следовало оставаться в зараженном городе. Андре велел всем возвращаться на яхту и пригласил госпожу Барбантон. Та сначала не решалась.

– Сударыня, ведь с желтой лихорадкой шутить нельзя. Если вы останетесь в городе, это будет равносильно самоубийству. Я не отпущу вас, хотя бы пришлось употребить силу. Наконец, – прибавил он вполголоса, – только так и возможно победить упорство вашего мужа.

– Хорошо, monsieur Андре. Я принимаю ваше приглашение.

– Ну и патрон! – подумал Фрикé. – Обделал дельце!.. Барбантоны будут на яхте вместе как муж и жена! Бедняга жандарм! Проплыл по морю тысячу двести миль, а от своего домашнего бича так и не избавился. Могу сказать лишь одно: ничего хорошего из всего этого не выйдет. А суеверный человек сказал бы даже: быть беде!

Фрикé и сам не предполагал, что его прогноз так быстро сбудется.

На следующее утро растерянный слуга доложил Андре Бреванну, что Барбантона на яхте нет. Исчезли также два негра из сухопутного конвоя.

Вдруг из своей спальни появилась madame Барбантон, бледная, едва держась на ногах. Она пронзительно кричала:

– Мой медальон!.. Его украли!.. Вместе с билетом!

С ней сделался обморок.

Вслед за тем послышался ужасный крик. Кто-то тяжело упал на пол возле машинного отделения.

Андре запнулся на лестнице, скатился вниз и сломал себе ногу.

Глава VIII

Англичанин-хирург. – Фрикé проводит дознание. – Рассказ носильщика. – Сунгойя. – Переворот в государстве куранкосов. – Прокламация претендента. – На Гвинейском берегу опасно говорить о политике. – Ладанка белой женщины. – Капитан Барбантон. – Погоня. – Трудное плавание. – Первые известия о беглецах. – Вторая ночь на реке. – Таинственные звуки. – Шлюпка на мели. – В осаде крокодилов.

Эта череда печальных происшествий очень всех расстроила. Даже Фрикé потерял было на минуту голову, когда Андре, поднятый двумя матросами, сказал ему тихо:

– Я сломал себе ногу!

У парижанина выступили на глазах слезы, хотя он не был особенно впечатлителен. Несчастье с другом так его потрясло, что самому же Андре и пришлось его утешать.

Больного отнесли в его каюту и уложили в постель.

Он был спокоен и делал все распоряжения сам.

– Первым делом, – говорил он Фрикé, – вели спустить лодку, поезжай в город и во что бы то ни стало привези врача. А потом ты поедешь искать Барбантона. Не понимаю, куда он исчез. Далеко уйти он не мог, и если ты не будешь медлить, то скоро его найдешь. Делом о краже медальона у нашей дамы я займусь сам и произведу дознание, пока ты будешь отсутствовать.

– Слушаю, monsieur Андре, – ответил юноша. – Все будет сделано.

К нему вернулась вся его молодая энергия.

По свистку боцмана матросы спустили лодку и в один миг приготовили ее к плаванию.

Фрикé прыгнул в нее, как белка, сел за руль и обратился к гребцам:

– Живее у меня!.. Хозяин в беде. Вернемся – угощу на славу.

Проездивши два часа, он возвратился с флотским врачом, англичанином. После тщательного осмотра тот констатировал перелом левого бедра и прописал больному полную неподвижность, но при этом заверил, что через шесть недель наступит совершенное выздоровление.

Андре, скрепя сердце, покорился необходимости. Доктор уехал, наотрез отказавшись от платы за визит, но, согласившись навещать пациента в свободное от службы время.

Успокоившись за друга, Фрикé занялся Барбантоном.

Куда он сбежал и по какой причине? Что же это с ним стряслось? Или он вовсе обезумел, когда увидал перед собой свою домашнюю тиранку? Нет, Барбантон не таков. Он уехал сознательно, потому что взял с собой и чемодан и, разумеется, не позабыл и свой знаменитый чехол из зеленой саржи.

Стало быть, он не желает видаться с женой, появившейся на яхте по случаю эпидемии во Фритауне? Хотел отомстить ей за прежние неприятности, заставив ее поволноваться если не за него лично, то хотя бы за судьбу лотерейного билета? Это возможно.

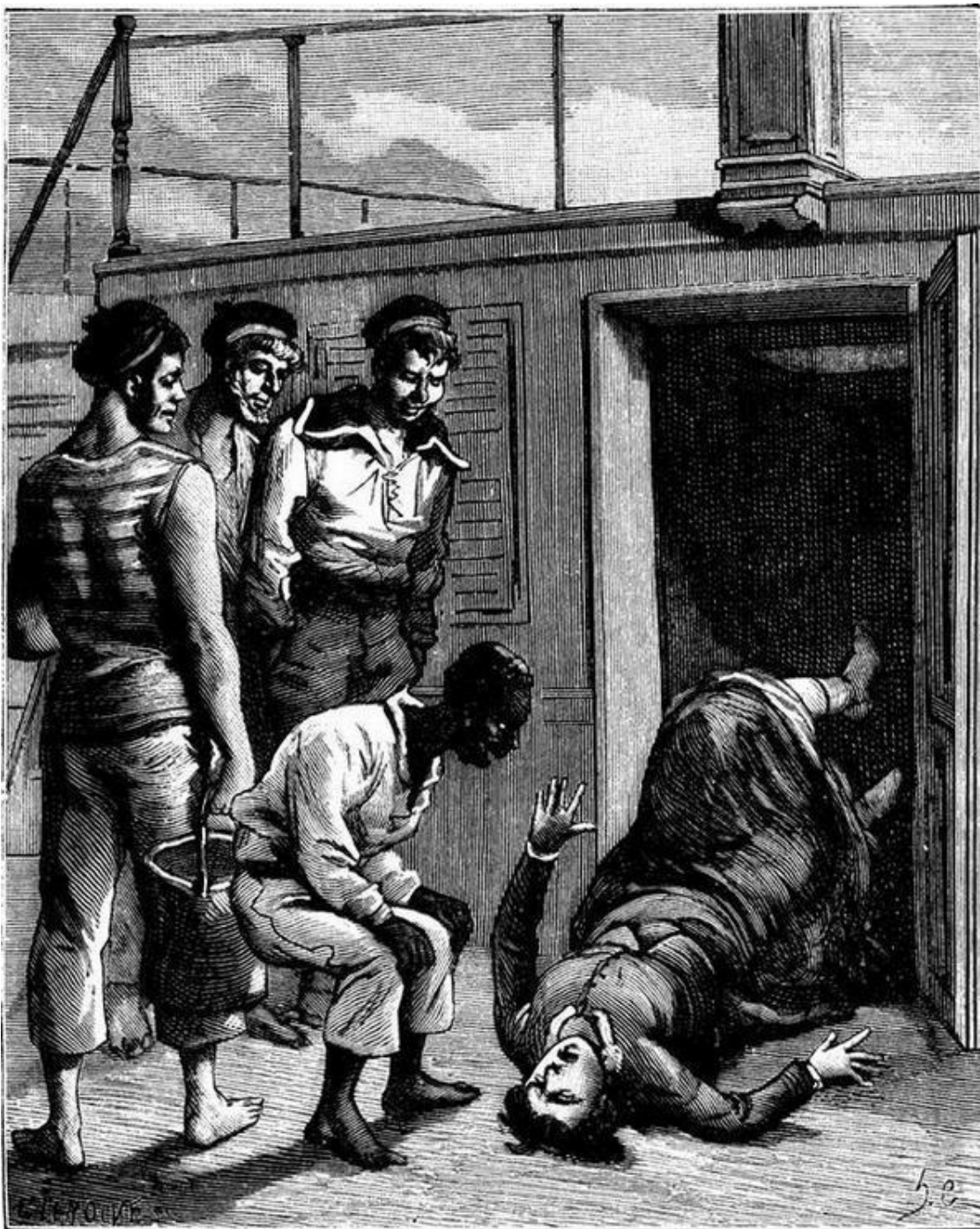
Но куда мог он уйти? Фрикé расспрашивал на верфи всякого встречного-поперечного. Никто не видел Барбантона идущим в город. Да он и не настолько был глуп, чтобы сунуться в самый рассадник заразы; он отлично знал, что такое желтая лихорадка.

Все указывало на то, что он бежал в сговоре с двумя неграми-дезертирами.

Кем же были те?

Проездом через Дакар Андре нанял двух лаптотов-сенегальцев, бегло говоривших по-французски и знавших множество местных наречий. Один из них и убежал теперь. Другой

дезертир был родом из внутренней Африки; приведенный в Кайор невольником, он оттуда сбежал на французскую территорию и таким образом сделался опять свободным.



С madame Барбантон сделался обморок.

Но по какой причине они сбежали с яхты? Уж не они ли украли медальон?

Или эта ценная вещь просто потерялась, завалилась куда-нибудь?

Фрикé склонен был предположить скорее первое.

Madame Барбантон ничего не могла на это сказать. Она не помнила. Всю ночь она проспала крепчайшим сном, что было не мудрено после таких передрыг.

Медальон несомненно исчез именно тогда.

Фрикё припомнил, с какой жадностью глядел на медальон один из негров-конвоиров, когда путешественница вынимала его и показывала троим друзьям. Юноша подозвал к себе другого сенегальца, угостил его ромом и основательно расспросил.

Сенегалец сообщил о негре-дезертире довольно важные подробности. Его звали Сунгойя, родом он был из страны куранкосов.

Фрикё раскрыл карту, легко отыскал, к югу от земли мандингов, землю куранкосов и даже, под 10°45' западной долготы и 9°30' южной широты, нашел название Сунгойя – вероятно, то место, откуда был родом сбежавший негр. Здесь находятся истоки реки Рокелль. Тут же, неподалеку, берет свое начало Нигер, который у местных жителей называется Джи-олибой.

– Сунгойя был у себя в селении вождем, – рассказывал лаптот. – Эти вожди почти независимы, однако признают над собой, больше номинально, власть главного вождя, избираемого пожизненно. После смерти такого вождя Сунгойя стал добиваться своего избрания на его место и почти преуспел в этом, как вдруг у него явился беззастенчивый соперник. Не обращая внимания на выборы, на всякие там голосования, этот субъект подобрал себе команду головорезов, подарил их страусовыми перьями, запоем ромом и с их помощью захватил власть, подтвердив на деле лишней раз афоризм «сила выше права». Как человек, умеющий властвовать, он объявил, что все, кто станет на его сторону, получают от него гри-гри (амулеты или талисманы), страусовые перья или рому; недовольные будут проданы в рабство, а непокорным снимут голову долой. На свою беду, Сунгойя не умел держать язык за зубами и постоянно критиковал нового монарха. Критика была по большей части правильной и потому навлекла на него особенный гнев. Кончилось тем, что его без всякого суда схватили, наказали палками и продали в рабство.

– Однако, как опасно говорить о политике на берегах Гвинеи, – заметил Фрикё. – Ну, арапушка, продолжай, продолжай! Это очень интересно.

Лаптот продолжал:

– Сунгойя из рабства освободился и задумал свергнуть своего врага. Но как напасть на человека, владеющего, быть может, лучшим гри-гри во всей стране? И вот Сунгойя принялся всюду разыскивать себе такой талисман, который помог бы ему одолеть противника. Он достал уже целую коллекцию всевозможных фетишей, когда познакомился с Андре, нанялся к нему на службу и был свидетелем чудесного избавления madame Барбантон из обезьяньих объятий. Очевидно, у белой женщины имелся гри-гри необыкновенной силы.

– Понимаю!.. Догадываюсь!.. – вскричал Фрикё. – Сунгойя видел, как госпожа вынимала медальон, а из медальона билет, и принял его за ладанку с талисманом, помогшим одержать победу над гориллой. Натурально, ему захотелось присвоить себе такой талисман... Ведь так? Ну, конечно... Однако будущий монарх куранкосов учудил с нами хорошую шутку... Я все понял теперь. Не знаю только одного, главного: где же Барбантон?

– Капитан уехал с ним в пироге.

Сенегальцы, как только поступили к Андре на службу, с первого же дня стали звать Барбантона капитаном. По их мнению, этот чин как нельзя больше шел к его бравой фигуре, мужественной осанке, молодецким усам и орденской ленточке в петличке. Не ниже капитана, во всяком случае.

Барбантон вначале протестовал. Тогда его произвели в полковники. Пришлось уступить. Так его и стали звать капитаном.

– Ты знаешь наверняка, что он уехал?

– Наверняка! Я сам видел. С ним другой товарищ и Сунгойя.

– Раз ты сам видел, значит, так оно и есть.

Дело было выяснено. Фрикё побежал к Андре посоветоваться. Выслушав весь рассказ, Андре вполне согласился с версией парижанина относительно Сунгойи. Несомненно, это

он украл медальон, воспользовавшись крепким сном измученной путешественницы. Сделал он это с далеко идущей целью: вернуться на родину и произвести там в свою пользу государственный переворот. Лучшей дорогой в землю куранкосов была река Рокелль. Ясно, что беглецы поплыли вверх по ней, добывая себе пропитание рыбной ловлей и охотой.

Вся задача заключалась теперь в том, чтобы настигнуть их и в то же время не спугнуть. В погоню мог пуститься только Фрикé. Решили, что он возьмет паровую шлюпку, на которой стоило лишь развести пары, да снабдить всех провизией, и можно отправляться. С собою он должен был взять только двух матросов и трех негров, в том числе второго сенегальца, который знал все местные наречия не хуже своего беглого товарища и мог служить переводчиком. Негр и европейцы будут вооружены скорострельными винтовками Винчестера, а Фрикé, кроме того, возьмет с собой полное охотничье снаряжение. Не будучи занятым охотником, Фрикé согласился продолжить дело Андре, прикованного к постели, и добывать вместо него охотничьи трофеи. Впрочем, охота в этих странах не столько спорт, сколько необходимая самооборона.

Кроме всего прочего, на шлюпку взяли запас лекарства, главным образом хинина, необходимого при заболеваниях малярией; потом были погружены разные походные принадлежности, гамаки, каучуковые одеяла – защищающие от ночной сырости и дневного жара. Наконец, не была позабыта и складная резиновая лодка системы Макдональда, на случай если бы пришлось идти посуху, так как дороги в тех местах пересекаются многочисленными реками.



Его схватили, наказали палками и продали в рабство.

Если бы река Рокелль оказалась впоследствии не судоходною, так как дно ее в некоторых местах усеяно камнями, то предполагалось, что Фрикé отошлет шлюпку обратно и поплывет дальше в туземной пироге, посадив негров за весла. Яхта будет дожидаться его возвращения или на фритаунском рейде, или, если ожидание покажется чересчур уж утомительным, крейсируя около берегов.

Фрикé отбыл.

Шлюпка вошла в устье реки, которая в этом месте называется Сьерра-Леоне, миновали английский берег и храбро достигла вод собственно Рокелля.

Благодаря приливу и превосходной машине, экспедиция двигалась быстро вперед, наполняя сердце парижанина надеждой на скорый успех. Но когда начался отлив и обнажились камни, среди которых нужно было осторожно лавировать под малыми парами, эта надежда значительно потускнела.

– Если так, то мы не скоро их догоним, – задумчиво бурчал себе под нос юноша. – Эти негры замечательные гребцы, их лодки плавают, как рыбы. И зачем так много утесов!

Встретилось несколько пирога с фруктами и овощами. Негры везли продавать эти продукты в город. Через сенегальца Фрикэ задал им вопрос о беглецах. Выяснилось, что те опережают их на целые сутки.

Наступала ночь. Пора было становиться на якорь. Фрикэ сам выбирал место для стоянки. Взошла великолепная луна, что еще больше расстроило Фрикэ: ведь при лунном свете беглецы могли плыть и дальше.

На другой день шлюпка отчалила с первыми лучами солнца. Утесов было меньше, плыть стало легче. Фрикэ опять расспрашивал встречаемых лодочников, но беглецов никто из них не видал. Это его удивило. Впрочем, река была еще достаточно широка, и они могли проплыть, держась другого берега и оставаясь незамеченными.

Фрикэ к радости узнал, что скоро шлюпка минует ту границу, с которой прекращается влияние прилива и отлива, нагоняющих сырой, насыщенный испарениями туман. Этот туман несет в себе губительный яд болотной лихорадки, приступы которой часто бывают смертельны даже для очень крепких людей. Чтобы сберечь уголь, Фрикэ подошел к берегу – набрать дров для топлива. Наступила ночь. Шлюпка стала на якорь, и все, кроме вахтенного, заснули под плеск воды о борта.

Светало – по-тропически, без зари, – когда Фрикэ вдруг проснулся от страшного шума.

Тут было и шуршание, и стук, и какое-то щелканье одновременно. Парижанин открыл глаза и ощутил какую-то перемену. Он разом вскочил на ноги и воскликнул:

– Гром и молния! Шлюпка не на воде. Мы сидим на мели.

Весь экипаж проснулся. Вахтенный вскочил первый – он, оказалось, тоже спал.

Шлюпка действительно сидела на мели, на илистом дне. Случилось это вследствие отлива.

В другое время тут не было бы большой беды: наступил бы прилив и поднял шлюпку. Но в данных обстоятельствах это было особенно некстати.

Шум, разбудивший Фрикэ, между тем усилился. Парижанин внимательно пригляделся к илистой почве, на которой застряла шлюпка, и невольно содрогнулся с головы до ног.

По этой жиже, в разных направлениях, двигались какие-то странные живые существа удлиненной формы. Прибрежный тростник по временам раздвигался и шуршал; длинные тела прыгали в ил, копошились в нем, толкаясь и задевая друг друга, и кончили тем, что окружили шлюпку страшным кольцом из грозных пастей.

– Господин! – воскликнул в ужасе сенегалец. – Крокодилы!

Да, это они производили тот страшный шум, что разбудил Фрикэ. Толкая друг друга, они стучали чешуей, щелкали своими голодными челюстями. Слышно было их горячее дыхание; противно пахло мускусом; неподвижные глаза сверкали свирепой алчностью. Их были тут сотни, и появлялись все новые, еще и еще. Словно кто-то из демонов нарочно призывал сюда всю местную армию крокодилов, притом весьма многочисленную – с резервом и ополчением. Передние тыкались мордой в железные стены лодки и пытались взобраться на борт, но пока им это не удавалось. Зато когда подоспеют подкрепления из новых крокодилов, они взберутся им на спины, и тогда опасность станет реальной.

Фрикэ не стал дожидаться этого момента. Сразу оценив положение, он приказал экипажу вооружиться, выдал всем по стаканчику рома и произнес ободряющую речь.

– Вы теперь знаете, друзья мои, что вам делать, – сказал он в заключение. – Крокодилы падки до человеческого мяса и не отличают белых от негров. Значит, каждый из нас защищает свою шкуру. Задача в том, чтобы продержаться шесть часов – до прилива – и не допустить крокодилов на борт. В противном случае все мы будем съедены, в чем я ничего забавного не нахожу.

Глава IX

Первый выстрел. – Словечко тем, кто считает крокодила неуязвимым. – Общая пальба. – Современные пули. – Затверделые пули. – Опасность растет. – Неожиданное убежище. – Капитан уходит с корабля последним. – Крепость занята неприятелем. – Шутки голодных аллигаторов. – Тропическое солнце жжет больно. – Прилив. – Осажденные и осаждающие одинаково не знают, что делать. – Попались в ловушку. – Для коллекции. – Опять инцидент.

Но как же это Фрикé так опростоволосился, выбрав столь неудачное место для якорной стоянки? Ведь можно же было и избежать мели, стоило только хорошенько рассчитать обычную глубину реки и высоту прилива.

Нет, место было выбрано правильно. Все произошло от того, что дно реки было здесь усеяно ямами; в одну из них и попал якорь. По длине ушедшей в воду части якорного каната можно было надеяться, что глубина достаточная и даже после отлива останется довольно воды. Но случилось иначе. Якорь после отлива оказался в воронкообразной яме, а шлюпка – на мели, погруженная килем в ил.

Произошло это еще задолго до того, как Фрикé проснулся, разбуженный крокодилами. И вот теперь гнусная армия ящериц штурмовала шлюпку.

Фрикé, двум матросам и трем неграм предстояла очень трудная работа.

Они вооружены были скорострельными винтовками Винчестера, с большим запасом зарядов. Парижанин приготовил также, на всякий случай, винтовку и ружье калибра 8 и открыл стрельбу из винтовки «Экспресс».

Первый выстрел был направлен в громадного крокодила, ползавшего по илу в пяти метрах от шлюпки. Он широко расставил при этом лапы и щурил глаза.

Пуля пробила ему череп. Крокодил привскочил и вытянулся мертвый.

– Удачно! – радостно воскликнул юноша. – А между тем комнатные путешественники рассказывают, будто крокодила не пробьешь никакой пулей, разве в глаз или в глотку... Эй, друзья! – обратился он к матросам. – Палите в них хорошенько. Давайте уничтожим этих гадин. Ведь это всего только ящерицы – не более того.

Бретонцы прицелились каждый в одного из крокодилов и выстрелили почти одновременно.

Один крокодил получил пулю в затылок и был убит наповал; второй был ранен в туловище и продолжал ползти по илу вперед, хотя кровь из него хлестала.

– Нет, так не годится, – сказал Фрикé. – Надобно метить в голову, чтобы кончать сразу, а то ведь они живучи.

Негры тоже стали стрелять, но ни разу не попали, не то от испуга, не то просто от неумения.

Из них троих только сенегалец довольно прилично управлялся с ружьем.

Парижанин прикинул, что он может рассчитывать только на себя, на двух матросов да на сенегальца – всего, стало быть, на четырех человек.

Этого было чересчур мало, принимая во внимание численность врагов, их силу и свирепость.

Чтобы действовать на два фронта, защитники шлюпки разделились на две группы: Фрикé с сенегальцем поместились с левого борта, а бретонцы с правого. Неграм было велено не стрелять.

Первые выстрелы не произвели почти никакого впечатления на крокодилов. Они лишь на некоторое время замедлили атаку, но вскоре возобновили ее опять.

Они продвинулись вперед сомкнутым строем, иногда вскакивая друг на друга. Уже вся илистая отмель покрылась ими. Они буквально кишели там, сверкая чешуей и щелкая зубами.

Европейцы, особенно Фрикé, творили чудеса. Целились они спокойно, хладнокровно и ни разу не дали промаха. Пули всякий раз пробивали чешую, которая с треском разлеталась в осколки, и маленький кусочек затверделого свинца проникал в тело.

Таковы современные пули. Чтобы они не сплющивались при ударе о твердую поверхность, а пробивали ее, их отливают из смеси свинца, олова и ртути. Пули, отлитые из смеси свинца и типографского шрифта, бывают еще тверже. И когда они выпущены из какой-нибудь мощной винтовки – типа Винчестера, Мартини-Генри или «Экспресс», – то перед ними ничто не устоит, никакая чешуя и толстая кожа.

Таким образом, вокруг шлюпки выросли целые груды мертвых крокодилов. Но это имело и свою дурную сторону, потому что нагромождение трупов давало живым прочный плацдарм для штурма шлюпки.

Безобразные аллигаторы на коротких, широко расставленных лапах все наседали и наседали. Особенно были свирепы раненые. Осажденным грозила ужасная участь, несмотря на всю их храбрость. В конце концов крокодилы неминуемо должны были взобраться на борт и растерзать их всех.

Ах, поскорее бы прилив!.. Но нет, до него еще долго, три часа. А тут и минуты все сочтены.

Вдруг парижанина осенило.

– Тент!.. Ах, где у меня была до сих пор голова!.. Но только выдержит ли он столько народу? Все-таки надо попробовать. Выбора у нас ведь нет.

Он подозвал матросов и негров, указав им на тент из прочнейшей парусины, протянутый над всей палубой шлюпки, и велел им взбираться на него.

Тент был натянут на раму, подпертую тонкими железными сваями.

– Только не трясите и не толкайте, вообще – потише. Этот полотняный пол наше единственное убежище. Располагайтесь поближе к раме и не шевелитесь... Ну, черномазые, проворней! Все наверх!..

Испуганные негры посерели от ужаса – они не бледнеют, а делаются пепельно-серыми – и с ловкостью обезьян вскарабкались по сваям.

– Готово дело? Да? Вот вы теперь в литерной ложе. Жарко вам? Не дать ли по зонтику?

Парижский гамен даже в ту минуту находил возможным балагурить.

– Ну, теперь ваш черед, – обратился он к бретонцам, которые спокойно, невозмутимо и методически продолжали расстреливать крокодилов. – Полезайте теперь вы!

Матросы перекинули винтовки за плечи и проворно исполнили приказание.

– Есть? – спросил Фрикé.

– Есть! – отвечал старший из них.

Тогда Фрикé влез на парусину сам. Капитан всегда покидает корабль последним.

Так как стрельба на это время прекратилась, то крокодилы совсем обнаглели и полезли на шлюпку с левого борта и носа. Ворвавшись на нее, они были очень удивлены, не найдя никого. А между тем тут только что так аппетитно пахло свежим мясом!

Со стороны уморительно было глядеть, как они вели себя в непривычной обстановке. Фрикé, лежа на животе, смотрел и потешался от души, забывши про опасное положение. Крокодилов собралось в шлюпке около десятка; они были точно заперты в ящике, открывали и закрывали пасти, царапали перепончатыми лапами металлическую стену, шлепали хвостами по полу и грызли все что попало. Один сунул морду в бочку с дегтем и весь пере-

пачкался. Другой заинтересовался глыбами каменного угля и стал было их грызть, но сейчас же выплюнул. Третий принялся добросовестно жевать подвернувшийся гамак. Четвертый залез головой в маленькое машинное отделение, застрял в нем и не смог вылезти, несмотря на отчаянные судорожные прыжки. Он там побился, побился и задохнулся от жары.

Главные же силы чешуйчатой армии продолжали стоять неподвижным кольцом вокруг шлюпки, переполненной новыми отвратительными пассажирами – их собратьями.

Члены экипажа, разгоряченные боем, совсем не имели времени освежиться, и вот появилось солнце и принялось невыносимо печь.

Находиться на лодке было еще терпимо, но на тенте, без всякой защиты, без влаги, при полной неподвижности – было нестерпимо, убийственно.

– Как долго не наступает прилив! – бормотал Фрикé. – Теперь даже и ему было не до шуток. – Да и прилив – это еще не все. Как мы избавимся от этих гадин? Стрелять отсюда нельзя – наши пули изрешетят всю лодку... С другой стороны – как же мы отчалим?.. Ой, до чего жарко! Я никогда так не перегревался, даже когда служил в кочегарах. Эй, товарищ, это не надо! Так нельзя! Теперь не время!

Один из бретонцев лишился чувств, другой тоже был близок к обмороку. Из трех белых только Фрикé стойко переносил невыносимую жару – ни дать ни взять сама Саламандра¹⁶ явилась сюда. Он принялся энергично растирать лишившегося чувств матроса, поручив другого одному из негров.

– Делай, как я, господин Белоснежка. Три его хорошенько, как можно крепче. За кожу не бойся – она у него толстая... Наконец-то! Давно пора!

Последнее восклицание было вызвано отдаленным рокотом, пронесшимся по реке.

То был шум начавшегося прилива. К нему вскоре присоединился гул прибоя. На илистую отмель, все еще наполненную крокодилами, набежала первая волна и тихо лизнула борт шлюпки.

Прилив надвигался.

Это было спасение. Но под самый конец требовалась особая осторожность и большое терпение.

Фрикé снял с себя длинный шерстяной пояс и опустил его одним концом в реку. Ткань впитала в себя воду – правда, теплую, мутную от ила, но все-таки воду. Можно было сделать компресс больным и облегчить их страдания.

Прилив усиливался, вода поднималась; трупы убитых крокодилов всплыли; ряды осаждавших расстроились. Шлюпка начала вздрагивать. Потом закачалась. Потом повернулась на якорь и встала против течения.

Крокодилы на шлюпке, заметив, что она качается, забеспокоились. От их возни она качалась еще сильнее. Вся их наглая свирепость куда-то испарилась. Они легли на животы, расставивши в стороны лапы и сузив глаза. Хвосты их тоже усмирились. Крокодилы растерянно озирались по сторонам, чувствуя западню.

Однако нужно же было сниматься с якоря. Как это сделать? Крокодилы выказали себя плохими матросами, в воде они не были опасны: борт у шлюпки был достаточно высок, и взобраться на него из воды они не могли. Но как избавиться от непрошенных пассажиров? А покуда они тут, сделать ничего нельзя.

Двусмысленная ситуация могла затянуться до бесконечности. Парижанин, крайне огорченный, проговорил:

– Хоть бы поменяться с ними местами, что ли: нам в тень, а их бы на солнце. Тогда бы еще полбеды, тем более что мы могли бы стрелять в них снизу вверх. Изрешетить тент не опасно, не то что кузов... Э, да вот что. Они трусили и присмирели. Воспользуемся этим и

¹⁶ В средневековых поверьях – дух, олицетворяющий стихию огня.

сцапаем их втихомолку... Браво! Дело выйдет. Я им такую штуковинку устрою... Вот что, друзья: оправились ли вы настолько, чтобы посидеть с минуту верхом на раме?

– Ничего, сможем, – отвечали матросы.

– Черномазых нечего и спрашивать: эти обезьяны куда угодно взбираются. Так вот что: берите каждый по ножу, садитесь верхом на раму и перережьте все завязки, на которых держится на раме парусина. Поняли?

– погоди! Крокодилы будут изловлены как бы неводом.

– Прекрасно. Подрежем же разом, за один дух, так, чтобы парусина свалилась на них ястребом. Раз, два!.. Режь!.. Так. Ну, теперь, значит, летим.

Затея удалась. Парусина свалилась на крокодилов и накрыла их. Они так все перепугались, что даже перестали шевелиться.

Фрикé и экипаж прыгнули с рамы, закрепили парусину, достали веревки и связали хищникам хвосты, которые у них почти так же опасны, как и челюсти. Негры опомнились от страха и стали просить, чтобы им позволили перебить всех крокодилов, что теперь уже не представляло ни малейшей опасности.

Крокодилов перерезали и трупы без дальнейших церемоний побросали в воду. Впрочем, не все. Был там громадный восьмиметровой длины; его Фрикé велел оставить, чтобы сделать из него чучело.

– Вы, господин, будете украшением моего кабинета, – говорил парижанин. – Я вас повешу под потолок.

Так закончилось это приключение, едва не принявшее весьма трагический оборот.

Увы! Это был еще не последний инцидент на их пути. Шлюпка благополучно отчалила и поплыла вверх по реке. Десять часов шла она без остановок, не совершая никаких маневров, потому что фарватер тут был везде свободен. Фрикé вычислил, что они сделали за этот день шестьдесят миль, почти столько, сколько прошли в первые два.

Машину топили дровами. Шлюпка шла на всех парах мимо поросших высоким лесом берегов и, попыхивая трубою, вспугивала легионы разноцветных птиц.

Хотя впереди не было видно никаких препятствий, второй матрос, не занятый в машине, все же нес вахту на носу шлюпки, Фрикé держал руль.

Казалось, были приняты все меры, чтобы не случилось какой-нибудь непредвиденной катастрофы. Но неожиданно резко шлюпка остановилась от сильнейшего толчка, опрокинувшего разом и европейцев, и негров, так что все они повалились друг на дружку в плотную кучу.

Глава X

Дело не в названии. – Безобразен, архискот, прожорлив. – «Отец» кровопускания. – Изобретатель средства, излюбленного мольтеровскими докторами. – Сравнительная неуязвимость. – На какой камень наткнулась шлюпка? – Крик лошади. – Смерть гиппопотама. – Разрывная пуля. – Стратегия четвероногих. – Разнести живую баррикаду. – Избиение. – На всех парах. – То были звери, теперь человек. – Экий этот жандарм! – Перерыв, а не бегство.

Если есть животное, менее всего похожее на лошадь, так это именно гиппопотам, что в переводе с греческого значит: «речной конь». Так окрестили его древние, а позднейшие ученые почему-то оставили за ним это название, несмотря на то, что оно совершенно противоречит здравому смыслу.

Вспомните лошадь: гордая, гибкая шея, втянутые бока, закругленный круп, тонкие ноги, быстрые и нервные. Теперь взгляните на гиппопотама, бесформенное туловище, какой-то громадный обрубок на четырех подпорках, напоминающий плохо обтесанные столбы. Что общего с лошадью у этой чудовищной свиньи?

Сравните, наконец, головы лошади и гиппопотама. Трудно найти хотя бы намек на сходство. А между тем название дано и остается. Что же собой представляет этот «речной конь». Животное млекопитающее из семейства толстокожих, из ряда жвачных, из отдела свиней¹⁷. Стало быть, ничего лошадиного, а только одно свиное.

После слона это самое крупное из четвероногих, но ни силы, ни ловкости, ни в особенности понятливости слона у гиппопотама нет и в помине.

Голова громадная, с маленькими, косо посаженными глазами, с едва заметными смешными ушами, сжатым лбом и малоразвитым черепом – почти одна морда. Толстая, квадратная, с широчайшими ноздрями, с огромной пастью, усаженной великолепными зубами.

Зубы чудные, настоящая слоновая кость: белые, твердые, не желтеющие. У гиппопотамов нет бивней, как у слона, но все тридцать шесть зубов превосходны, как на подбор, клыки у взрослого гиппопотама достигают иногда величины в сорок сантиметров при весе от шести до семи килограммов. Зубы гиппопотама в торговле идут очень бойко, почти наравне со слоновыми бивнями.

Все остальное, кроме зубов, у гиппопотама до крайности безобразно. Неуклюжее туловище соединяется без шеи с карикатурной головой, отвислый живот почти касается земли, темно-свекольного цвета шершавая кожа имеет крайне отталкивающий вид. Но по характеру этот безобразный увалень не злой. Напротив, он скорее миролюбив, даже робок и до некоторой степени, если хотите, добродушен.

На человека он не нападает, даже избегает его, но при условии, что и его не трогают. Если же его дразнить, то он становится опасен. В нем разом пробуждаются дикие, звериные инстинкты, и тогда ярость его неудержима и не знает преград.

В обыкновенное же время это очень добродушная крупная скотина сангвинического типа, питающаяся исключительно растительной пищей, которой поглощает невероятное количество. Вычислено, что гиппопотаму ежедневно требуется до ста килограммов питательных веществ и соответственное количество воды.

Впрочем, несмотря на такое количество, он разборчив и в качестве. Представьте себе – этот обжора в то же время большой гастроном и любит себя баловать. Довольствуясь при

¹⁷ Классификация автора, не соответствующая научной.

необходимости травой, корнями и тростником, растущими по берегам рек и даже на дне их, он с жадностью набрасывается на рис, просо и даже сахарный тростник. Это его пирожное, его десерт.

Проход гиппопотама по туземным плантациям – настоящее бедствие, погром. Он не столько съест, сколько истопчет и испортит.

От всей этой пищи у гиппопотама под кожей образуется, как у свиньи, толстейший слой сала, который очень любят туземцы, но европейцев оно отталкивает своим специфическим запахом.

Я выше назвал гиппопотама сангвиником. Он, действительно, очень полнокровен, до склонности к апоплексии. Уверяют, что во избежание удара он сам себе пускает кровь, делая это следующим образом. Выбравши острый утес, он трется об его режущие края до тех пор, пока не брызнет кровь, и сам следит, чтобы ее вылилось не больше, чем требуется, после чего ложится в густой ил и таким образом устраивает себе компресс и перевязку.

Таким образом, гиппопотам является как бы изобретателем кровопускания. Некоторые ученые этому верили, например, Галиен.

Впрочем, что же тут удивительного. Разве в естественной истории нельзя найти другого аналогичного факта? Морская птица баклан, питающаяся исключительно рыбой, разве не освобождает свои желудок от попадающих в него костей с помощью средства, излюбленного мольеровскими докторами. Название средства мы здесь не станем приводить, хотя оно и произносится громко с классической сцены театра.

Под клювом у этой птицы имеется перепончатый мешок, в который она набирает воду в количестве, требуемом для операции, и действует клювом, как тем инструментом, над усовершенствованием которого потрудились многие врачи, начиная с Флерана и кончая доктором Эгизье и бароном Эсмархом...

Шкура взрослого гиппопотама толще шкуры носорога. Из нее делаются очень прочные щиты, от которых отскакивают намазанные ядом стрелы туземцев. Только благодаря своей шкуре гиппопотам еще не вычеркнут из книги природы, ведь на него охотятся много, а он имеет обыкновение подпускать к себе человека очень близко.

В прежнее время туземцам редко удавалось убить его, разве только при помощи западней, ям, капканов и проч. Но теперь, с распространением огнестрельного оружия и с повышением спроса на слоновую кость, гиппопотамы убиваются в огромном количестве и скоро сделаются и вовсе редчайшими зверями.

На суше гиппопотам вял и неповоротлив. Бегать не может, ибо не создан для этого: стоит лишь взглянуть на его фигуру. Зато превосходно плавает и ныряет.

Он может довольно долго пробыть в воде и проделывать на глубине всевозможные маневры, может бесконечное время держаться на поверхности, благодаря своему жиру, как буюк. Он любит спать в воде, отдаваясь течению и наслаждаясь, как истый сибарит, безусловно, мягким ложем, которое даже нежнее ложа из розовых лепестков. При этом из воды торчат только его глаза, ноздри и уши. Таким образом он все видит, все слышит и все чувствует, находясь сам в полнейшей безопасности. Его даже не всегда при этом и видно.

Встреча с плывущим гиппопотамом бывает очень опасна для лодок.

Полученный толчок приводит его в ярость. Он бросается на лодку и грызет ее своими крепкими зубами, а не то поднимает ее хребтом и разом переворачивает.

Если при столкновении он получит рану, горе тогда лодочникам! Их гибель неизбежна. Чудовище их загрызет.

В реке Рокелль гиппопотам встречается еще довольно часто, несмотря на близость английской колонии Сьерра-Леоне. Климат здесь нездоровый, и спортсмены ездят сюда редко, предпочитая Капскую землю. Туземцы отваживаются нападать на гиппопотама только на суше, но там появляется он редко. Ему комфортнее в воде.

Поэтому «речные лошади» в описываемой нами местности только еще недавно начали переводиться.

Когда шлюпка остановилась от внезапного толчка, все подумали, что она напоролась на камень и сейчас пойдет ко дну. Но странно: вода вдруг окрасилась в красный цвет, впереди поднялось сильное волнение и, наконец, послышался громоподобный, ужасающий рев.

Лодка продолжала идти тихим ходом. Раздался опять тот же рев, только еще громче. Шел он как будто из воды.

– Узнаю этот крик! – сказал Фрикé. – Так кричит умирающая лошадь. Я слышал его в аргентинских пампасах и никогда не забуду.

У гиппопотама имеется единственное сходство с лошастью – его голос. Но только крик гиппопотама гораздо резче и неприятнее.

На волнующейся поверхности показалась голова гиппопотама, потом и все туловище до половины. Он раскрыл свою огромную пасть с лиловым небом и ослепительно белыми зубами, ухватился ими за железный борт лодки и начал трясти ее изо всех сил.

Опасность была большая, Фрикé понимал это, но не пошутить все-таки не мог.

– Вот тебе и раз! Подводный камень плавает и даже кусается. Это глупо. Убирайся прочь, старый урод! Лодка стальная, все равно тебе ее не изгрызть. Убирайся!

Твердая сталь еще больше разъярила зверя. Он тряс лодку так, что она подпрыгивала, как игрушка.

Парижанин понял, что пора принимать меры. Он достал винтовку калибра 8, не спеша зарядил и встал в позицию в двух метрах от зверя, грызшего зубами стальной борт с такой силой, что высекались искры.

– Вот что, мой мальчик, ты чересчур долго злишься, – сказал Фрикé, кладя винтовку на плечо. – Уходи-ка лучше домой. Не хочешь? Ну, знаешь, я не любитель убивать, но придется, видно, угостить тебя свинцовенькой бомбошкой. Раз!.. Два!.. Ну, сам виноват... Три!.. Пеняй на себя.

Бум!.. прокатился оглушительный выстрел. Гиппопотам, пробитый пулей в глаз и в ухо, разжал челюсти и пошел ко дну. Он тонул медленно, так что можно было рассмотреть следы пули.

Ее действие было ужасно. Верх черепа был снесен напрочь, одного глаза как не бывало, мозги превращены в кашу, к клочкам оторванной кожи прилипли обожженные частички раздробленных костей. Можно было подумать, что в него попали гранатой или бомбой.

– Они очень милы в зоологическом саду, когда глотают копеечные хлебцы, но у себя дома не особенно любезны, – продолжал Фрикé. – Положим, мы сами его приласкали шлюпкой, и вдобавок паровой, но ведь не нарочно же... Ай, друзья, полегче, полегче! Не наткнуться бы нам еще раз. Вода что-то подозрительно мутится вокруг нас. Так. Что я вам говорил?

Со всех сторон из воды поднимались новые чудовища. Что их возмутило? Гибель товарища? Или просто шум проходившей паровой лодки, винт которой бурлил и пенил воду?

На земле гиппопотам достаточно добродушен, но в воде он часто бывает крайне раздражителен.

Возможно, что шлюпка с бурливым винтом, с пыхтящей и кашляющей трубой, выплевывающей дым, возбудила в травоядных сангвиниках ярость и бешенство. Не мог не повлиять на них и предсмертный крик их товарища. Услышав его, они переполошились и мобилизовались для боя.

Их было особей двадцать. С двух сторон они окружили шлюпку двумя полукругами, затем соединившимися в кольцо.

– Неприятно, но приходится вновь устраивать бойню, – сказал парижанин. – Необходимо пробить брешь в этой стене из живого мяса. Что делать! Зачинщики не мы!

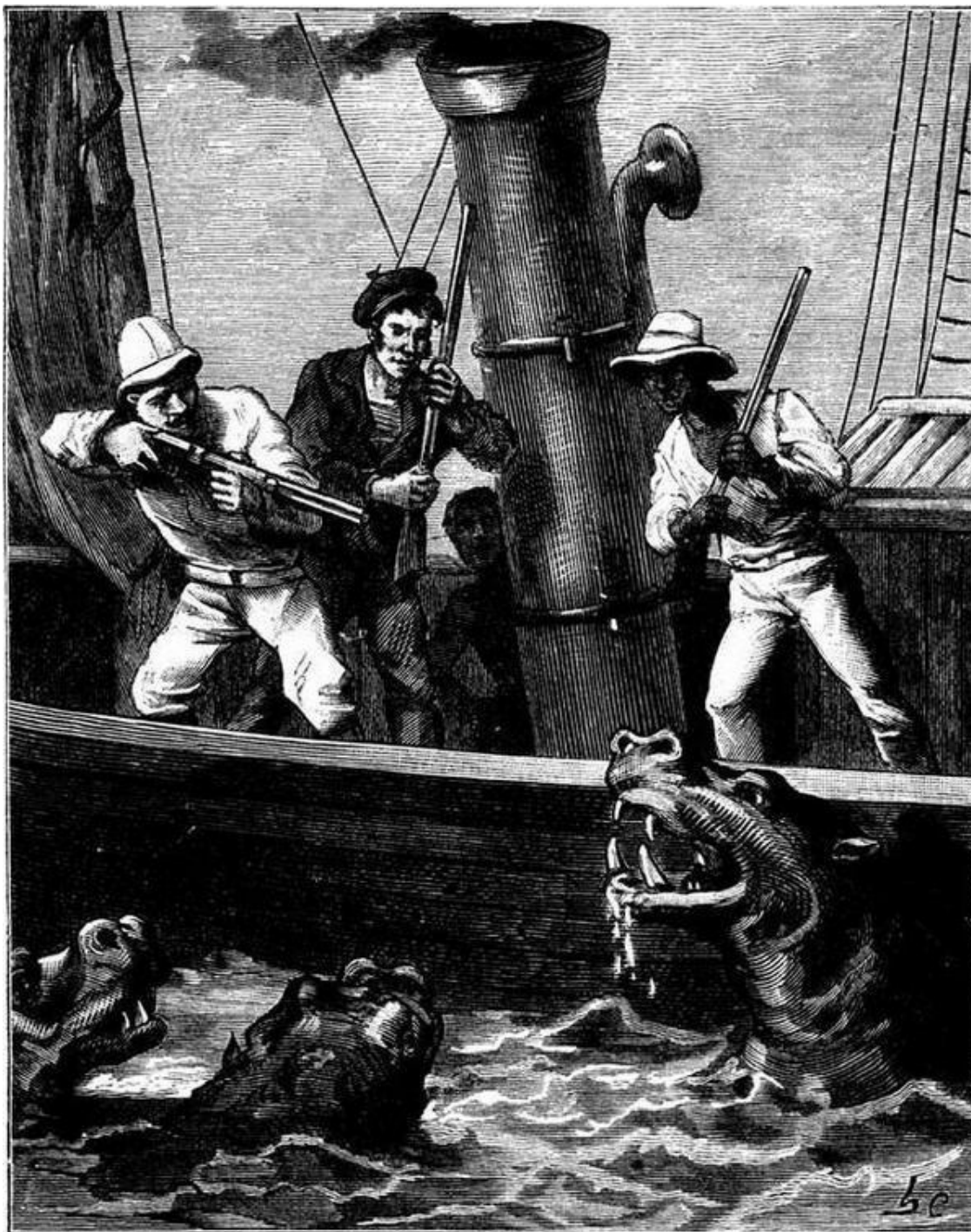
Он встал на носу лодки, держа в руке свою винтовку калибра 8, вооружил свободного матроса таким же ружьем, положил подле себя винтовку «Экспресс» и приказал кочегару быть наготове, чтобы исполнять немедленно всякую команду. Шлюпка шла тихо. Рискованно было с разбега наталкиваться на такие громадные «рифы». До гиппопотамов оставалось метров десять. Их головы высовывались из воды и хлопали челюстями. Фрикé условился с матросом так: целиться каждому в своего гиппопотама, лучше всего в висок, стрелять обоим одновременно, затем вновь прицелиться и стрелять – не торопясь, но и не медля, и всякий раз по сигналу.

– Целься! – скомандовал парижанин, кладя винтовку на плечо. – Готово?

– Готово! – отвечал матрос, прицеливаясь.

– Пли!

Два выстрела слились в один. Оба гиппопотама с разнесенными черепами без звука пошли ко дну, как полные бочки.



Гиппопотам раскрыл свою огромную пасть с лиловым нёбом и ослепительно белыми зубами.

Врешь была пробита.

– Целься опять!.. Или!.. Кочегар, полный ход!

Грянули два выстрела. Брешь расширилась. Между живыми подводными камнями образовалась как бы протока. Шлюпка устремилась в нее, пустив две струи горячего пара вправо и влево.

Это был фокус кочегара. Не имея возможности принять участие в стрельбе, он задумал хотя бы обжечь паром противные морды, высовывавшиеся из воды.

Шутка удалась. Свистящий горячий пар напугал зверей пуще выстрелов; они нырнули в воду и скрылись.

Избавившись от опасности, шлюпка замедлила ход, но двигалась все-таки довольно быстро. Река сделалась уже, зато перестали попадаться скалы. Течение сделалось быстрее. Плыть стало свободно и легко.

Фрикé радовался и уже начал было забывать все прошедшие неприятности. Вдруг на одном из крутых поворотов реки он увидел зрелище, заставившее его вскрикнуть от удивления.

– Опять преграда!.. Что за проклятая река! После крокодилов – гиппопотамы, после гиппопотамов – худшее из всех животных: человек. Если эти прохвосты не пожелают нас пропускать, что нам тогда делать?

Фрикé был прав. От одного берега до другого, поперек реки, протянулась цепь узеньких лодок. В каждой было по десятку или по дюжине вооруженных негров.

Что за плотина? Против кого она направлена?

Парижанин вывесил белую тряпку, везде, во всем свете, символизирующую мирные намерения, и приказал шлюпке тихо двигаться вперед, держа, однако, оружие наготове.

Приблизившись, он поручил сенегальцу-лаптому окликнуть негров... Тот объяснил им, что шлюпка везет мирных путешественников, друзей черным людям, и что они просят пропустить их в землю куранкосов, где их ждут.

Слова сенегальца были выслушаны в глубоком молчании, но затем поднялся адский шум. Негры выли, как бешеные, потрясая луками, дротиками; некоторые целились из ружей. Одним словом, путешественникам давали знать, что прохода не будет.

Фрикé снова велел переспросить, предполагая, что это одно из недоразумений.

Но нет. В ответ лишь усилились крики. Просвистело несколько стрел, сверкнуло несколько выстрелов. Прожужжали железные пули.

Настаивать парижанин счел неблагоприятным и, скрепя сердце, отдал приказ об отступлении. Положим, он был уверен в том, что прорвет цепь лодок и проложит себе путь, но его остановило следующее соображение:

– Конечно, всю эту эскадру можно разнести одним выстрелом из картечницы; да у нас, кроме того, есть смертоносные винтовки. Победа обеспечена. Но что потом? О нас, как о врагах, оповестят всех побережных жителей, нас станут травить, как зверей, нам придется выдерживать ежедневные битвы. Оно бы в другой раз ничего, но теперь это входит в полное противоречие с нашей мирной миссией. Экий этот жандарм! Вот черт! Заварил кашу! Где он теперь? Проскочил через эту преграду или где-нибудь остался в лесу? Хоть бы эти черномазые рассказали мне, что ли... Я бы им заплатил... Очевидно, они думают, что мы англичане. Скверно. Первым делом надобно выбраться из-под выстрелов этих негостеприимных господ, а там видно будет. И то сказать – перерыв не бегство... Кочегар, задний ход!

Глава XI

Смел, но благоразумен. – Философия лентяя. – Отбытие парламентаря. – Квартет пьяниц. – Сперва пиво, потом ром. – Гомеопатия. – Вести о беглецах. – Капитан, генерал, военный министр, и все это за тридцать шесть часов. – Шлюпка идет назад. – Сухим путем. – Жара, лихорадка. – Носорог.

Кому знаком воинственный характер Фрикé, тот понимает, что ему потребовалось совершить героические усилия над собою, чтобы удержаться и не пустить ко дну лодки черномазых, осмелившихся преградить ему путь. У него были все шансы на победу, хотя бы она и дорого обошлась. Паровая шлюпка, вооруженная картечью, люди с такими грозными, сокрушительными винтовками – где же было устоять против них жалким туземным скорлупкам? В исходе битвы нельзя было сомневаться. И все-таки Фрикé отступил!

Да, он был неудержимо смел, но в то же время благоразумен. Ну, хорошо. Он разобьет негров в первом сражении. А потом что? Каков будет результат этой Пирровой победы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.